

Череповецкий государственный педагогический институт
им. А.В.Дунаевского
Вологодский государственный историко-архитектурный
музей-заповедник
Череповецкий краеведческий музей
Вологодская писательская организация

КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы к конференции
17 - 20 мая 1990 г.

Череповец
1990

А.М. Попов

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА И ПОДГОТОВКА АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ КАДРОВ

Культурно-идеологическая среда - это часть социальной среды, которая прямо или косвенно воздействует на сознание человека, формирует его духовный и нравственный облик. Можно выделить основные элементы социальной среды, которые позволяют эффективнее, с большей отдачей воздействовать на духовный мир человека, на формирование патриотических чувств и устремлений. Это монументальная пропаганда, организация музейного дела, мемориалы и историко-культурные заповедники, элементы эстетического и архитектурно-художественного оформления городов и сел, предприятий и учреждений, экологические объекты, которым сознательно придается общественно-воспитательная роль.

Значение культурно-идеологической среды в процессе коммунистического воспитания различных категорий населения методологически обосновано в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Наставляя на необходимость "двинуть вперед искусство как агитационное средство", В.И. Ленин подчеркивал, что "оно должно объединять чувство, мысль и волю... масс, поднимать их" (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. - М., 1979, т. 5, с. 13). Культурно-идеологическая среда сочетает в себе опыт предыдущих поколений и новизну современных потребностей и проблем. Соединяя в себе духовно-нравственный опыт прошлого и настоящего, деятельную устремленность в будущее, такая среда является порождением и отражением социально-экономической и культурной истории сегодняшнего дня и перспектив развития определенного региона.

Особенно важно в современных непростых социально-экономических условиях, связанных с кризисными явлениями в политике и идеологии общества, использовать богатейшие исторические, нравственные, духовные ценности "малой" Родины - Европейского Севера РСФСР, который по праву является памятником не только отечественной, но

и мировой культуры. История вологодского края, богатая именами и событиями, вызывающими гордость за нее, побуждает к тому, чтобы умножать его прошлые деяния своим трудом, делом подтверждать верность традициям старших поколений, тому вкладу, которые внесли наши предшественники.

Глубокие корни имеет культурная жизнь Вологодской области. Здесь и глубокий пласт древнерусской культуры, связанный, в частности, со знаменитой "Северной фиваидой". Здесь и наши знаменитые земляки, виднейшие деятели литературы и искусства России. И богатейшие традиции народной культуры, пришедшие к нам из традиционного быта наших предков. Богатое наследие, связанное с революционными, ретными и трудовыми традициями, развитием науки и культуры, которое, конечно, далеко не исчерпывается теми именами и явлениями, какие оказались представлены в этом сборнике, не может не являться фактором активного воспитательного воздействия. Помня ленинские слова о том, что "хранить наследие не значит ограничиваться наследием", мы ставим в качестве важнейшей задачи в деятельности воспитательных институтов активнее использовать духовно-нравственный опыт поколения в благородном деле воспитания человека.

Не ставя задач перечисления всех составляющих культурно-идеологической среды, следует остановиться на проблеме более эффективного использования их в идейно-воспитательной работе. Пока эти возможности используются недостаточно. Даже количественный анализ говорит о слабом использовании пропагандистами местного краеведческого материала. Мало читается лекции по этой тематике, редко обращаются к ней в устной политической агитации. Нам представляется, что в настоящее время следует обратить серьезное внимание партийных организаций на расширение возможностей культурно-идеологической среды в воспитательной работе населения, скоординировать усилия всех заинтересованных организаций: партийных, советских, профсоюзных, культуры, искусства, экскурсионных, ветеранских и т.п.

Серьезное внимание следует обратить на подготовку агитационно-пропагандистских кадров: прежде всего через университет марксизма-ленинизма обкома КПСС и его отделение культурной политики, на котором в настоящее время обучается 166 человек (12 - учителя школ, 7 - работники культуры, 4 - здравоохранения - в их числе

профсоюзного и комсомольского работника). Необходимо изучить возможности вести подготовку кадров этого профиля на заочном отделении университета марксизма-ленинизма, факультетах общественных профессии вузов и техникумов, школах при партийных комитетах, организациях общества "Знание", общества краеведов и т.д. настало время подумать о разработке и введении в систему политической учебы, другие формы пропаганды и агитации, деятельность различных воспитательных учреждений курсов, циклов, отдельных тем по богатейшей истории, культуре, искусству нашего северного края.

В.Б.Анохин

ВХОЖДЕНИЕ В КОНТЕКСТ КУЛЬТУРЫ КАК ПОИСК ИСТИНЫ

Классическая традиция осуществляет поиск смысла истины в семантическом измерении как соответствии наших суждений некоему обстоятельству дел. Сложности, возникающие в связи с поиском критерия "соответствия", снимаются в прагматической плоскости. Удивительным явлением в истории философии выступают попытки мыслителей дать прямо противосложное толкование истины, начиная с выявления ее прагматической сущности и кончая определением ее семантической ценности. Что это: спекулятивная игра рассудка? фантазия? или нечто более существенное и фундаментальное, характеризующее суть человеческого бытия?

Современные исследования в области философской герменевтики позволяют иначе взглянуть на проблему. М.Хайдеггер ищет сущность истины в свободе мышления сущностных возможностей человека и человечества через обнаружение сущего в целом (см.: Хайдеггер М. О сущности истины // философские науки, 1989, № 4, с.98). Х.-Г.Гадамер обнаруживает истину в "дисциплине диалога", понимая под ним структуру опыта, в которой те, кто стремится к постижению истины, починают себя в весте языка, вступают в игру вопросов и ответов, составляющую философский диалог в его сократической форме. При этом Гадамер указывает на тесную связь человеческого существования со свободой. Поиск истины осуществляется в свободном выборе тех ситуаций, которые адекватны его внутренним возможностям. Язык, как общая игра, приводит участников диалога к общей истине (см.: Анохин В.Б. Игровой аспект семиотики культуры. К постановке вопроса.// Семиотика культуры: тезисы докладов всесоюзной школы семинара... - Архангельск, 1989, с.3-6).

Диалог можно вести не только с себе подобным, но и с знаково-символическими элементами или элементами культуры. Объекты культуры можно "вопросить" и получать ответы в форме оправдания того или иного ожидания. Последнее связано с истинностной оценкой игровых деятельности "вопросителя". Успех в диалоге (игре) ведет к осознанию сигнала объекта культуры, к сопричастию индивидуальности субъекта уникальности предмета исследования. "Сопричастие" осознается как вхождение в истину и сопровождается выявлением исполнительного критерия истины — красоты.

Диалог истины в запутанных лабиринтах культуры возможен лишь при наличии свободы субъекта. Это простое, но принципиальное соотношение как раз и подчеркивается понятием "игра". Субъект свободен в выборе игровых вариантов, он свободен и в выборе игр, если таковые имеются в наличии (последнее обстоятельство указывает на относительный характер свободы). Свободная игра позволяет выявить человеку те элементы культуры, которые представляют его индивидуальность. В этой интерпретации хайдеггеровское свободное раскрытие "сущностных возможностей в сущем" выступает как реализация игровых возможностей (игрового поля) субъекта в игровом пространстве культуры как целого.

Таким образом, истину можно представить как момент или процесс согласования игрового поля человека с игровым пространством культуры. Прагматическая сторона истины выступает здесь как успех или неуспех в основном субъектом "замысла" культуры. Культура позволяет выявить не только истинное в себе, но и истинное содержание индивидуальности человека. Свобода в выборе элементов культуры приводит к рассогласованию игрового поля субъекта и игрового пространства культуры, что ощущается человеком как неприятие, ложное бытие.

Процесс развития личности можно рассмотреть как эволюцию или движение ее индивидуальности между двумя "параллельными рядами". С одной стороны, субъект волеизъявляет в игровое пространство иерархически структурированной культурной системы; с другой стороны, он испытывает влияние генетически фиксированной программы поведения. Творимое и переживаемое человеком игровое поле развертывается между внешней (культурой) и внутренней (генотип) игровыми программами. Суть внешней программы состоит в том, что она задает последовательность прохождения индивидуальным существом существенных для челове-

ческого рода игр. Человеку в своем развитии нужно поиграть в игры роля (семейные обычаи, традиции, мифы, сказки и т.п.), затем - в игры более широкого ближайшего окружения (например, религия) и т.д. Внутренняя программа задает возможности выбора внешних игр и ориентирует индивида на собственную траекторию в пространстве человеческой культуры. При условии свободного выбора "траектория" принимает характер подлинного или истинного бытия и укрепляет систему общечеловеческой культуры, поскольку возникновение неповторимой индивидуальности является увеличением внутрисемейного разнообразия. несвобода сопряжена с обратным эффектом.

Приведенные рассуждения позволяют пролить свет на, казалось бы, мистическое понимание истины Н.А.Бердяевым. Согласно Бердяеву, истина не есть соотношение или тождество познающего, совершающего суждение субъекта и объективной реальности, а есть вхождение в божественную жизнь, находящуюся по ту сторону субъекта и объекта (Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. - Париж, 1951, с.10). Вхождение в "Царство Божие" ("коммунион" или "соборность") является актом свободного выбора, вопреки искусственному погружению в греховное "Царство Кесаря". истинное может проникнуть, по мысли Бердяева, лишь в сферу "ребяки угнетенного духа" и исчезает, как мирак, по его "освобождению".

Принятая и понятая игра обуславливает "рождество душ", участвующих в свободном творческом акте людей. "Родному по духу, другу моему, - утверждает Бердяев, - я не должен доказывать и не должен обязывать его, мы видим одну и ту же истину и общаемся в истине" (Бердяев Н. философия свободного духа, кн.1. - Париж, 1927, с.162).

В заключение можно ответить на поставленный вопрос о смысле прагматического понимания истины. Истина есть ощущение подлинности человеческого бытия, процесса отсортировки субъектом в ходе игр поддельных элементов культуры от неподдельных. Подлинное, неподдельное структурируется как индивидуальность в свободном акте выбора и ведет к упрочению культуры в целом. Последнее, наконец, выступает следствием и стимулом воспроизводства уникально-человеческого в мире. В прагматической концепции истины подчеркивается ее очеловеченность, вопреки безличному характеру семантического понимания истины: истина связана с поиском смысла человека, а не с поиском внутри человека копии внешнего мира.

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

В научной и публицистической литературе сегодня немало внимания уделяется проблеме дефицита в различных его проявлениях. При этом все большее значение делается на недостатке культуры в нашем обществе, которым промышляется, в частности, в низкой культуре личности. В общественном сознании укоренилась та мысль, что вежливость, неумение ответить грубостью на хамство, силой на насилие — удел "интеллигента", а "мы, работники" даже кичатся своими незнаниями, элементарными проявлениями бескультуры в быту, на работе и т.п. При этом часто к человеку вежливому, совестливому, культурному вырабатывается жалостливо-насмешливое отношение, а самым острым дефицитом в человеческих взаимоотношениях становится совестливость (ср. рассуждения Д.С. Дыхачева: Лит.газета, 1987, I, с. II).

Несмотря на процесс плюраности, появление возможности многовариантных точек зрения, сказать о победе плюрализма в нашем обществе нельзя. Одна из причин этого — отсутствие культуры госслужащих, нетерпимость к инакомыслию. Подобные черты возникли как следствие того, что люди десятилетиями учили гонимить и действовать от третьего лица, а это приводило к растворению личного "я" в безликом "мы", личной ответственности в обмен безответственности. Недостаточно разрешить высказывать свою точку зрения — необходимо еще создать условия, формирующие каждого человека как самостоятельного общественного субъекта. Гарантированное право человека на самостоятельное действие приведет к формированию чувства ответственности за него, к более продуманным проектам и решениям. Чувство ответственности формируется в неразрывном единстве с личным достоинством. Поэтому культура нашего общества должна рассматриваться как коллективно-личностная.

Полагая, что при формировании социалистической культуры мы только в теории справедливо отмечали ее связь с предшествующими общечеловеческими культурными ценностями, а на деле представляли ее как единственно правильную и часто выросшую как бы в искусственно-тепличных условиях. На практике у нас ощущается недооценка культурных традиций не только осуществляющих о нами общества, но и своих собственных.

Для реализации целей процесса перестройки необходимо возвращение человека в лоно общечеловеческой (и национальной) культуры, а также преодоление отчуждения личности от человека. Безличностный человек не может быть высококультурным, а некультурному человеку не под силу намеченные в обществе революционные преобразования (ср. рассуждения И. Клямкина: Новый мир, 1987, № 1).

Однако, как бы ни хотелось нам быстрее изменить, сделать более совершенным нашего человека, добиться этого в масштабах общества без качественного преобразования бытия и, в частности, бытового образа жизни, невозможно. К сожалению, решение этой задачи сегодня просто "буксует". Известны огромные цифры "очеретников" и получение квартир, стоящих в очереди в общежитиях, коммуналках и т.п. Какая возможность духовного развития, формирования взаимопонимания может быть в таких условиях? фактическое отсутствие возможности остаться одному, распределить свое время в соответствии с собственными интересами, приводит (особенно, когда это длится десятилетиями) человека к осознанию бессмысленности, ничтожности коммуналной общности, как правило, заставляющей личность подчиняться ее требованиям. При этом личность более высокого уровня вынуждена либо опускаться до уровня "средней" общности, либо включаться в противобестелственную и бесплодную борьбу с этой общностью. Во всех случаях человек оказывается социально одиозным, нераскредитованным. Поэтому культура общества, претендующего на звание самого прогрессивного, ни в коем случае не должна допускать деградации или закрепощения личности.

Н.А. Петрова, А.Н. Севелов

СПОСОБНОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Философский анализ общественного развития неосуществим без определения роли и места культуры как социального феномена. Одновременно прогресс общества и культуры может быть рассмотрен как развитие человеческого индивидуальности. В связи с этим представляется важным определить механизм взаимодействия таких феноменов, как общество, культура, человек, попытаться раскрыть то связующее звено, которое объединяет их в единое целое. Культура не может быть рассмотрена как явление, стоящее рядом с обществом, представляющее какую-то его часть. Эта неразрывность

общества и культуры в некоторых трактовках предлагает рассматривать их как явления однопорядковые. Раскрывая суть общества, можно отметить, что это не только социальная, но и социокультурная реальность. Близинство общества и культуры проявляется прежде всего через деятельные отношения людей. Состояние любого общества определяется как уровнем развития культуры данного социального организма, так и уровнем развития индивидов, его составляющих.

В механизме взаимосвязи общества, культуры и человека существенную роль играет такое явление, как способности. В литературе они часто определяются как склонность, возможность индивида заниматься тем или иным видом деятельности. В философском плане, однако, более важен анализ способностей с точки зрения социологического аспекта. Он позволяет рассматривать способности не только на индивидуальном, но и на общесоциальном уровне как совокупную общественную способность. В таком виде человеческая деятельность рассматривается как взаимообмен между совокупной социальной способностью и индивидуальными способностями человека. Это — взаимодополнение человека и общества своими способностями. Исходя из этого, для анализа взаимодействия общества, культуры и человека через взаимный обмен способностями важное значение имеют процессы опредмечивания и распределения.

Эти процессы можно определить как, с одной стороны, воплощение индивидуальных способностей в продуктах деятельности, как материализацию способностей, с другой — преобразование материализованной совокупной общественной способности в индивидуальные качества человека.

Специфическим свойством человека как социального существа является способность к обмену результатами деятельности. В отличие от биологических существ, удовлетворение человеческих потребностей чаще всего достигается опосредованно, через результаты деятельности другого человека. В этом смысле человек приобретает ценность для другого человека, а процесс производства предстает как "обмен деятельностью и способностей" (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 12, с. 725). Таким образом, обмен способностями становится специфически социальным способом освоения мира. Прогресс общества во многом определяется характером включения индивидуальных человеческих способностей в совокупную социальную способность. В способностях людей раскрывается степень зрелости самого общес-

тва, общественных отношений, в зависимости от этого общество предъявляет определенные требования к развитию способностей человека, которые обусловлены социальными, экономическими, культурными потребностями общества.

Развитие человечества есть одновременно также и развитие культуры. Культура — это, с одной стороны, опредмеченные способности людей, выраженные в ее материальных и духовных результатах. С другой стороны, развитие способностей есть мера культурности человека, мера его социальных качеств. Сама культура есть не что иное, как овеществление в ее продуктах способностей людей. Процесс культурного освоения мира человеком есть развитие его сущностных сил, в котором происходит непрерывное совершенствование человеческих способностей. "Культура... — не просто абстракция, идеальный конструкт, а реальное бытие человеческих сущностных сил и качеств... в которых они кристаллизуются... так и в потребностях, способностях, сознании и других социальных качествах живых людей, в деятельности которых они проявляются, развиваются и совершенствуются" (Мокроносов Г.В., Седов Н.В. Персонализация и индивидуализация личности общественных отношений // Типология социальных явлений. — Свердловск, 1982, с.88). По мнению В.Филатова, обмен способностями является "клеточкой" развития культуры (см.: Полит.самообразование, 1983, № I, с.48). Способности — это то новое, что появляется в результате специфически человеческого освоения мира. Исходя из этого, обмен способностями можно рассматривать в качестве связующего звена общества, культуры и индивида, как меру социокультурного освоения мира человеком.

О.В.Козлова

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

На современном этапе развития нашего общества объективная тенденция развития всех областей общественной жизни впервые совпадает с эстетическим развитием личности, с преодолением существующего несоответствия между искусством и действительностью, пользой и красотой. Сегодня эстетическое воспитание становится всеобщим социальным процессом. Воздействуя на чувства человека, оно помогает превращению коммунистических идей в убеждения.

Процесс эстетического воспитания включает в себя воспитание эстетического восприятия, эстетических чувств и потребностей. От степени развития способности человека к восприятию прекрасного зависит и сила эстетического, идейного воздействия на него и самой действительности, и искусства. Конечно, человек осваивает действительность во всех ее формах и произвольно, стихийно. Однако глубина постижения мира, различных видов искусства зависит от уровня эстетической культуры человека. И задача здесь — не только развить способность к внешнему восприятию произведения искусства, к овладению его "языком", но и научить человека воспринимать явления искусства в целом, понимать соотношение в них содержания и формы; идейную направленность, их влияние на духовный мир человека.

Эстетические чувства, вкусы, потребности не даны человеку от рождения, а формируются в процессе его социального развития. Конечно, решающая роль в этом процессе принадлежит искусству, и степень эффе́ктивности общения человека с ним, способность дать верную, глубокую, всестороннюю оценку явлениям искусства во многом определяется уровнем эстетического воспитания и образования личности. Поэтому восприятие искусства требует специальной подготовки, наутю эстетического обоснования, образования. Если при восприятии художественного произведения человеком может объясниться, почему оно ему "нравится" или "не нравится", только тогда может идти речь об осознании, понимании творческой мысли и деятельности автора. "Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком, — писал К.Маркс (Соч., т.41, с.137).

Сопричастность с искусством пробуждает в людях потребность творческого отношения к себе самому и своей деятельности, потребность действовать по законам красоты во всех сферах общественной жизни: отношении к людям, к природе, в любой отрасли труда, в быту, в искусстве, в науке и т.д. Речь эстетические ценности — это не только достояние художественной сферы или только искусства, они пронизывают всю жизнь человека. Поэтому достижения эстетической культуры человечества, воздействуя на духовный мир человека, помогают преодолеть его односторонность, развить у него творческое отношение к действительности.

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

Важное место среди географических названий занимает ономастика — названия населенных мест. Известный русский историк И.П. Флоренский писал: "Если справедливы слова Гримма: "Есть более живые свидетельства о народах, чем кости, гробы и оружие: это — их язык", — то в ряду этих свидетельств географическая номенклатура должна занять одно из видных мест при освещении вопросов, связанных с историей народов. Летопись, начертанная в языке земли, отличается устойчивостью. Трудно стереть ту печать, какую налагает на землю племя, положившее в нее первый культурный труд" (О разработке географической номенклатуры. — Труды I Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. I, 1899, с. 12).

Ономастика имеет большое значение для решения вопросов происхождения поселений, развития поселков в связи с природными условиями и историей края, — Вологодского края в частности. В названиях населенных мест нашли также отражение быт, верования, духовная и материальная культура народа, общечеловеческие нормы морали, народная поэтика и антропонимика.

На территории, которую сейчас занимает Вологодская область, очень рано стали селиться славяне. К 862 г. относится упоминание о первом Белозерском князе — Синеусе. В освоении этих земель (в особенности Белозерья, участвовали кривичи, составившие преобладающее население Ростово-Суздальского княжества.

Здесь славяне встретились с славянским населением: с древнейших времен на территории области жили волжские, прибалтийские и вычегодско-пермские группы финноугров. Среди них — чуди, меря, мурома. Одно из этих племен — весь — очень рано исчезла со страниц нашей летописи (в "Повести временных лет" упоминается в последний раз под 862 г.). Но как этническая общность весь не была полностью ассимилирована, подобно меря, муроме и чузи (памятью о которой является название одной из деревень Цепелевского района — Мерские Чуши). Весь оставила своих потомков в лице венгов.

Заселение Белозерского края славянами шло мирным путем, хотя, видимо, отдельные недоразумения все же возникали: это вызвало сооружение укреплений и использование естественных преград для защиты. Показательным в этом отношении является название пер. Ратибор (Кирилловский р-н). В древности не только восточные, но и западные славяне использовали лес, бор как естественную защиту. Так, например, возникло название Бранибор - современный Бранденбург (см.: Энгельс Ф. К истории прерванных германцев. - К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. 1. - М., 1937, с. 347).

Многие географические названия связаны с названиями рек, в том числе и древнейшие города Вологда (с 1147 г.), Великий Устюг (с 1218 г.), Устюжна (первоначально: Усть-Жина, с 1252 г.)

В Вологодской области много названий образовано от древнерусского слова дор, которое известно по русским диалектам со значением "новое расчищенное место под сенокос или под пашню", "новое селение на чистом, возвышенном месте" (с пом.: "Арх. Волог., Север."), "слегка возвышенная местность, поросшая островным лесом в виде отдельных рощ" (с пом.: "Череповецкое") (Словарь русских народных говоров, вып. 8, с. 129). Дор, Доровское, Доровская, Дорки, Дорково, Дорок, Дороватка и т.п. - топонимы дор содержат более 60 названий населенных мест Вологодской области. Эти названия отражают культуру подсечно-огневого земледелия Северной Руси. Древнерусский термин дор не следует смешивать с финно-угорским именем-составом дор (дор), который содержится в названии Полдорос (Великоустюгский р-н), где финское поло (гарь), дор (место возле чего-либо) и оа (болото): "выжженное место у болота"

Характерными для нашего региона являются названия деревень Половника (Никольский р-н) и Половники (Якшенский р-н), которые образованы от термина половник - "обрабатывающий чужую землю плугу, отлаживающий головину попоков хозяину". "Половники остались у нас вполне, кажется, в одном лишь Вологодском области", - отмечал в свое время В. А. Даль (Толковни словарь..., т. III, с. 255).

Около 2,45% названий населенных мест Вологодской области образованы от терминов подсечно-огневого земледелия: дор, нощина, чисть, почесок, гарь, пожар, пожар, лядина, осек, чертеж, рубед, терейть, топоры, рамень и т.п., - а также от терминов для названий лесных угодий: диль, избын, истобын, остобын и т.д.

Названия — памятники культуры — заслуживают бережного к себе отношения, поэтому в принципе не допускают переименований. "Переименования стирают следы истории, они являются результатом невежества, и нельзя не заметить, что они допускаются" (Орлов А. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. — Рельск, 1907, с. 118).

Н.П.Тихомирова

ТОПОНИМЫ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ И ЕГО ИСТОРИЯ

Топонимы — один из важных источников для изучения истории языка и истории народа. Устойчивость, локализованность, способность отражать объективные свойства географических реалий помогают топонимам оставаться своеобразной "памятью" прошлого.

При номинации топообъектов существенной является проблема выбора признака, положенного в основу названия. Выбор признака определяется тремя существенными моментами: типом топообъекта, социально-экономическими условиями жизни народа, физико-географическими особенностями местности. Обусловленность выбора признака социально-экономическими факторами наиболее ярко отразилась в ойконимии. Самую большую группу названий населенных пунктов составляют антропонимические (60%), имеющие в основе фамилию, имя или прозвище человека. Наличие большой группы антропонимических ойконимов объясняется экстралингвистическими причинами: деревни на Севере были одно- или двудворными, поэтому в качестве основы ойконима чаще всего использовалось имя владельца вновь разработанного участка земли, поставившего двор на этом участке: дер. Ермаково (XVIII в., владелец Ермачко Царь бедотов), починок Муравьев на устье Сизымы (XVIII в., владелец Муравей Есин). В основу ойконима может быть положено христианское или языческое имя. На территории Белозерья топонимы, образованные от христианских имен (Антон, Василий, Иван и др.), значительно превышают группу топонимов, образованных от языческих имен (Забавы, Немдан, Поселыш, Страшко и др.). Дело в том, что славянское население пришло на Белозеро из мест более ранних поселений; при этом основной поток шел уже после принятия христианства на Руси.

и незначительно по объему (2%) группы ойконимов нашли отражение имена обвятих (Архангельское, Ильинское и др.). Группа ойконимов, получивших название по имени церкви, сохранилась в ХХ в., что связано с изменениями в жизни общества. Многие церкви перестали функционировать в советское время, были разрушены. На смену сакральным пришли новые названия: с. Козьмодемьянское (ХХ в., Усть-Ижменский уезд) стало в ХХ в. Дентьевым. Сакральные ойконимы отмечены по всей территории Белозерья, но большее их количество находится на юго-востоке региона. Вероятно, это связано с тем, что в прошлом при заселении края здесь была высокая плотность славянского населения.

О заселении края свидетельствует и небольшая группа этнонимических топонимов (0,6%). В южной части региона зафиксированы ойконимы, образованные от этнического имени чудь: дер. Чудиново, Западе Чуди, Средние Чуди. Появление таких этнонимических названий возможно на территориях пограничных, в районах контактирования разных народов. По данным историков, белозерское поселение кеси (славяне часто называли ее чюдью) представляет восточную периферию ее расселения. В восточной части Белозерского края, где проходил древний путь из Новгорода Великого на Восток, отмечены топонимы: д. Словенка, оз. Словенское, с. Волочек Словенский (Волоко-славинское), в которых сохраняется древнее название новгородцев - словене.

В топонимии края нашли отражение и названия некоторых промыслов и ремесел: д. Юнчапка, пустошь Горшечниково, д. Мелтирня, пустошь Эм, руч. Железня, г. Устюжна Железопольская. Документы помогают установить точное происхождение некоторых топонимов: "д. Кузнецовское воли. Самсонко кузнец" (XV-XVI вв.) Названная группа топонимов немногочисленна (0,8%) в связи с тем, что замкнутость феодальной деревни не способствовала развитию и обособлению ремесел. К тому же в Белозерье многие занимались отхожими промыслами - лесосплавом, бурлачеством. Несколько шире (2%) представлена группа топонимов, отражающих процессы, связанные с земледелием (д. Дор, д. Теребеня, д. Чертеж, д. Гаря, д. Бухара и др.)

Топонимы, имеющие в основе социальные термины (0,9%), подтверждают данные историков с существованием права общего пользования

земли (Д. Волчаня), принципы первого завладения (Д. Отводное), решения спорных вопросов о земле (Д. Межная, бол. Спорное, покос Бородинское Сражение), отражают характер владения землей в прошлом (Д. Борюская, Д. Княже, Д. Монастырская), социальные слои и отношения феодальной деревни (Д. Билычье Горка - "бирюч", должностное лицо, в обязанности которого входило объявление различных указов и распоряжений).

В белозерских топонимах широко представлена история, социальная и материальная культура края. По особенностям этого представления мы можем восстановить разные стороны жизни и деятельности наших предков.

З. А. Короун

ОДЕТНЫЕ КОМПОЗИЦИИ В НАБИВНЫХ ТКАНЯХ РУССКОГО СЕВЕРА

Красильно-набивные промыслы занимают важное место в ряду многообразных занятий жителей Русского Севера. Данные земской статистики, работы справочного характера дают немало сведений о производстве, бытовании и технологии изготовления крестьянской набойки. Этнографическая литература фиксирует широкое применение набойки в одежде русского населения Севера (работы А. Б. Порай-Кошиц, И. А. Алшатовой, И. Н. Ухачева и др.). Среди тем, которых касаются в своих работах исследователи народного искусства, одним из важнейших является тема изучения орнаментации предметов.

Во всем многообразии орнаментальных мотивов не так велико число произведений с фигурными композициями. К их числу относятся композиции с изображением человеческих фигур, коней и птиц. В русских набивных тканях встречаются образы, связанные с древней иконографией народного искусства и присутствующие в других произведениях (вышивка, ткачество, резьба и роспись по дереву и т. д.). В то же время, наряду с фигурными мотивами, идущими от традиции XIX века, в набойке, вплоть до XX века, крайне редки были изображения человеческих фигур.

В докладе выявляются определенные круги образов и композиции, используемых в русских набивных тканях, прослеживается наличие в них древней семантики, проводится сравнение с фигурными мотивами в произведениях других видов народного искусства. Рассмотр-

рение этого круга вопросов дает дополнительный материал по сюжетным изображениям в народных тканях (по набойным тканям этот материал не был до сих пор представлен исследователями) для более глубокого изучения содержания многих образов народного изобразительного искусства.

Отдел русской этнографии Государственного музея этнографии народов СССР располагает значительным количеством экспонатов из Архангельской, Вологодской, Олонецкой губернии. Это отдельные образцы набойных тканей, закатники или манерники, насчитывающие в отдельных случаях несколько десятков, а то и сотен образцов набойки различных рисунков, скатерти, полотен, предметы одежды. Повсеместно была распространена рубовая набойка с геометрическим или растительным орнаментом, но встречались и ткани с сюжетным изображением.

Изучение музейных коллекций, архивного материала открывает широкие возможности для полнейшего представления об истории народных промыслов, в частности, крестьянской ручной набойки, являющейся частью многогранной культуры Русского Севера.

С. П. Кондракина

ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Изучение истории и культуры народа невозможно без знания народного языка, поскольку многие факты народной жизни нашли отражение именно в языке. Севернорусские говоры богаты неповторимыми устойчивыми сочетаниями, различными по использованию, по структуре, по эмоциональной насыщенности, хранящих отголоски прошлых исторических эпох. Фразеология говоров Вологодской области не менее богата и разнообразна, чем другие стороны диалекта: именно в ней нашли отражение многовековая народная мудрость, ум, наблюдательность, народная педагогика, особенности прежнего уклада жизни, групповая деятельность, мировоззрения, материальной и духовной культуры вологжан.

Наблюдаются значительные различия между говорами Вологодской области в сохранении и использовании диалектных фразеологизмов. Говоры отдаленных деревень сохраняли большее количество самобыт-

ных фразеологических единиц (ФЕ), чем говоры центральной части области, которые в большей степени испытали влияние литературного языка.

Во фразеологическом составе вологодских говоров выделяются две группы ФЕ, функционирующих в разных сферах языковой действительности: 1) ФЕ, выполняющие номинативную функцию; 2) ФЕ, выполняющие номинативно-характеризующую функцию.

ФЕ первой группы выполняют роль наименований предметов и явлений действительности. Они не обладают ни стилистической, ни эмоциональной окраской, не дают оценок. С особенностями старого быта северного края связаны, например, такие устойчивые сочетания: об-облагодать, богоя-ладець (стол, за которым обедают), царская кухня (место, где принимали на работу), медвежья лапа (вил кружев), полтое яйцо (кнут). Интересны народные названия растений: кошья лапка (полевая гвоздика), кисья лапка (бессмертник), кукушкины слезы (растение семейства орхидных), Матрена холодная (сиреневая трава с большими альм цветком). Свообразны и пришедшие из прошлого названия явлений природы: хоть энас нем (о холодной, ветреной погоде), божье милосердие (гроза). Несомненный интерес представляют старые названия кушаний: белая закуски (широш), обочная каша (шоре из картофеля). Большое количество ФЕ называет производственные процессы: на гудки ныти (расслаиваться - о льне), взят в рожки (затянуть зверя), затянуть тоню (закинуть невод). С историей края связаны ФЕ, называющие игры, танцы, обряды, религиозные праздники: на козля свать, оаром шпать, кислый кнут, кашу ваить (игры); бенки бросать (откидывать бенки при сметовстве), хворосты ломать (один из элементов свадебного обряда) и т.п.

Большая часть ФЕ в говорах выполняет номинативно-характеризующую функцию. Это группа эпитетивно-характеристических, оценочных ФЕ, служащих для образной характеристики лиц, предметов, явлений, действий, состояний: в расе вершник (о высоком человеке), в куку не местится (об очень толстом человеке), веретеном встряхнута (тощая) и т.п. Многочисленны фразеологизмы, посвященные чертам характера, дающие оценку поведению человека: губа косяя (о сердитом, неразговорчивом человеке), клякка слаба (о слабовольном человеке), окаянная голова (сорванец, озорник), крутой умом (об упрямом, настойчивом человеке). ФЕ показывают, что излама

что издавна осуждалось нежелание трудиться: тихоня ляповатая (о ленивом человеке), лесткая ладня (о человеке, не каламашем работать) - и, напротив: рублен гопеть (о красивом, работающем человеке). О бестолковом человеке: дикая голова, дикое место. О нелете и нужде: черные люди, ни кола, ни дмолы, запустить нуды в передний мол. И напрстия: запутаться в доньлах, как во снах жить, бегам жить...

Многочисленные фразеологизмы, характеризующие различные состояния. Усталость: как немого, дух вышел, по зажиму, выбится из беда. Угнетенное состояние: ревом запереть. Безление: часть пот. Сомнение: что землю продал, быть на промьлах. Алкогольное опьянение: налить кадык, налиться по деля, мом нехорош, развесть тубу, хмельник привязался. Фразеологизмы группы позволяют проследить, какие требования предъявляло общество человеку. В основе их образности, как правило, лежат ассоциации, связанные с самобытным укладом жизни во всех ее проявлениях.

Сопоставление фразеологии говоров Вологодской области с фразеологием других говоров позволило выделить фразеологизмы, известные нескольким говорам. Это объясняется прежде всего генетическими связями в диалектологии. Фразеология Вологодских говоров тесно связана с историей края, она хранит в себе отголоски различных исторических эпох, отражает богатый исторический опыт крестьянства.

О.В. Козлова

ТРАДИЦИИ И ДИНАМИКА НАРОДНОГО ИСКУССТВА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Проблема культурной преемственности, в которой необходимо выделить проблему народного искусства, диалектики нового и традиционного в нем, возможности их сосуществования и развития в условиях растущего технического прогресса, - эта проблема приобретает все более важное значение. Речь идет о совершенствовании мира духовной культуры человека. Дюбне же классические вершины культуры имеют свои истоки. Не дать сегодня иссякнуть этим истокам - важная задача общества.

Противоречия культурно-исторического развития советского общества не могли не отразиться на всех видах народного искусства европейского Севера: резьбе по кости, кружевоплетению, резьбе по

дереву и бересте, черни по серебру и т.п. В 1965 г. народные промыслы были чепродуманно присоединены к местной промышленности. Возникла проблема сближения производственных темпов с традицией качества, индивидуальности творческого мастерства в народном искусстве. Следствием попыток такого сближения стала потеря традиций народного образа. В это же время к оценке произведений народного искусства стали подходить с профессиональными критериями, — что свидетельствовало о непонимании качественной особенности народного искусства. Попытка предприятия местной промышленности, изготавливавших данные предметы, подчиниться плану и "валу" неизбежно должна была привести (и привела) к потере традиционного в произведениях народных промыслов, к падению уровня мастерства. Ярко проявилось это, например, в искусстве холмогорской резьбы по кости: тернется декоративная выразительность образов ажурной резьбы, существенно обедняются элементы орнамента, снижается культура мастерства.

Причина отмеченных явлений заключается прежде всего в отрыве традиционных видов народного искусства от сложившихся традиций мастерства, в непонимании значения создаваемого народным творчеством предметного мира. Продукты народных промыслов, как правило, соединяют в себе два функциональных начала: утилитарное (материальное) и эстетическое (духовное). В современных условиях все большее значение приобретает именно эстетическая сторона предметов народного творчества. В теперешний быт берестяные шкатулки, туеса, корзиночки, народная керамика, кружевные накидки, салфетки, покрывала, украшения и т.п. — входят прежде всего как предметы художественные, отвечающие эстетическим потребностям. Утилитарное начало сохраняется (плетенье корзин, бурак, туеса и т.п.), но уже не становится основным.

Поэтому народное искусство не должно сводиться к архаичному содержанию и формам, методу только индивидуального творчества. Оно так же динамично, как и сама жизнь, как культура в целом. Вырвать его из единой системы культуры — значит, обресть на умирание многие его лица. Народному искусству свойственны и новаторство: поиски новых форм, новых сюжетов и даже нового утилитарного назначения. При этом необходимо помнить, что миру народного искусства свойственен особый тип художественного творчества. Будучи ст-

носителем самостоятельным в системе культуры, народное творчество развивается и по своим, специфическим, законам, и по законам диалектики культуры в целом. Единство народного творчества со всей системой культуры проявляется в связи всех его видов с окружающей средой - в его материалах, сюжетах, орнаменте. Природная среда, условия жизни человека - вот что служит постоянным источником творческого фантазия и художественного воображения народных мастеров. Забвение этой взаимосвязи приводит к снижению эстетической ценности продуктов творчества. Поэтому произведения потомственных кружевниц В. Бяковой, Л. Карлиной, М. Мухиной явно выигрывают в сравнении с работами художниц вологодской фабрики "Снежинка". И выигрывают не по технике исполнения, а по степени художественного вдохновения, обобщения чувственно пережитого опытом жизни народа. Фабричные работы подобны как репродукция, как массовое повторение "образца", и потому утрачивают существенные свойства образности, необходимые в искусстве.

Повсеместно распространяющаяся, этот процесс приводит к снижению эстетического качества продукции народных промыслов и, соответственно, к исчезновению подлинных мастеров. Замена подлинной художественности ширпотребом наблюдается сейчас и в работах вологодских кружевниц, и в изделиях фабрики "Северная чернь". Только ответственность в развитии народного искусства, диалектика традиции и новаторства в творчестве мастеров и, конечно, создание необходимых условий для деятельности последних - даст возможность сохранить источник народной культуры.

Д. С. ДАВРЕНТЬЕВА

КОЛЛЕКЦИЯ РУССКОГО СЕВЕРА В ФОНДАХ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В настоящее время публикации о музейных коллекциях все еще недостаточно. Это относится не только к краеведческим музеям, но и к такому крупному учреждению как Музей антропологии и этнографии (МАЭ). Далеко не всем известно, что, ставя своей основной задачей создание коллекционного фонда по зарубежным народам, музей одновременно собирал коллекции и по народам России, которые широко использовал для обменного фонда, временных выставок и научных изысканий.

В настоящее время фонды отдела Европы насчитывают около 10 тысяч предметов по народам России (из них ок. 6 т.к. - по русским). Первые коллекции, поступившие в МАЭ, датируются второй половиной XIX в., а к началу XX в. музей начал организованно и планомерно пополнять фонды восточно-славянским материалом. Первые экспедиции для сбора коллекции по русским организовались именно из Север европейской России. Для улучшения состава и документации поступающих коллекции МАЭ высылает программы и инструкции собирателям и местным учреждениям.

В числе крупнейших собирателей коллекций по культуре и быту Русского Севера следует назвать М.К. Кабукову-Горбунову (москвичку коллекционерку, принесшую в дар МАЭ великодушную коллекцию русских кружек), М.А. Круковского (художника, который в 1899 г. передал МАЭ коллекции одежды, домашней утвари, охотничьих и рыболовных принадлежностей из Олонецкой губернии), Н.А. Шебунина (художника, передавшего коллекции одежды и украшений из Архангельской губернии) и др. А.В. Журавский, заведовавший естественно-исторической станцией в с. Усть-Цильма, собрал (начиная с 1905 г.) богатейшую коллекцию одежды, домашней утвари, игрушек, охотничьих принадлежностей. Среди вещей середины XIX в. большой интерес представляют одежда и женские головные уборы; многие предметы снабжены подробнейшими описаниями собирателя. В 20-е гг. братья Н.Д. и Д.Д. Травяны привозят коллекции из Печорского края. К сожалению, коллекции эти до сих пор изучены лишь частично (статьи Н.И. Гегелторн, Р.В. Каменецкой).

Говоря о коллекциях МАЭ, нельзя не упомянуть и деятельность этнографического отделения Русского географического общества, явившуюся толчком для этнографического изучения отечества и сбора полевых и вещественных материалов. В 1891 г. этнографический музей общества, содержавший редкие коллекции из Архангельской, Вологодской и Олонецкой губернии, был передан в МАЭ.

Большой интерес представляют иллюстративные материалы (фотографии, открытки, рисунки), поступившие в МАЭ от Н.А. Шебунина, М.А. Круковского, Д.Д. Травяны, П.С. Захарова, А.П. Колобаева, М.Е. Едемского.

Русский Север был и до сих пор остается объектом этнографического изучения и местом сбора многих ценных коллекций.

ВОЛОГОДСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ АРХИТЕКТОР ПЕТР ФЕДОТОВИЧ БОРТНИКОВ (Опыт реконструкции биографии и творчества)

1780-е гг. - особый период в истории архитектуры Вологды: пострадавший от сильного пожара 1773 и наводнения 1779 гг., ставший в 1780 г. губерньским центром, город отстраивается и перестраивается по генеральному плану, утвержденному Екатериной II 24 февраля 1781 г. Вот почему понятен и естествен интерес к личности человека, о имени которого связаны перенесение "лысо-чаинше конфирмованного" плана в натуру и создание нового архитектурного облика Вологды. О первом вологодском губерньском архитекторе Петре Бортникове известно немного. Пребывание его в Вологде датируется 1785 ("не ранее") - 1791 гг. До этого - служба в Москве: "в 1773 г. в должности "архитектуры I класса помощника" он составил проекты перепланировки и застройки после пожара некоторых частей города (районы Тверской, Таганки, Кочевников)" - в 1781 - "находился на службе в Каменном приказе". Умер П. Бортников 8 октября 1791 г., возвращаясь из Тотмы, где он оказался по служебным делам (См.: фехнер М.В. Вологда.- М., 1958, с. 30, 32).

Документы, обнаруженные нами в архивах Москвы, Ярославля, Вологды, позволяют многое дополнить, уточнить, исправить. Прощение Бортникова (Центральный гос. архив древних актов /ЦДА/, ф. 286, оп. I, ед. хр. 653, л. 329) и его послужные списки (Гос. архив Ярославской обл./ГЯО/, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1721, л. 267 об.; ед. хр. 859, л. 22 об.) помогают восстановить подлинное отчество архитектора - Петр Федотович, а не Трофимович. Наиболее вероятный источник ошибки, прочно утвердившейся в литературе о Вологде, - статья П.Н. Петрова "Строительное дело в России при Екатерине II" (Золчии, 1880, № 10-11, с. 90) или сведения, сообщаемые "Месяцесловом с росписью чиновных особ в государстве на лето... 1785" (с. 295). В адрес-календарях на 1784, 1786-1791 гг. значится губерньский архитектор Петр Федотович Бортников.

Он родился в 1728 г. (судя по формуляру, хранящемуся в ГЯО, ему было 58 лет в 1786 г.: ГЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 859, л. 22 об.) и происходил из "однодворцевых детей". Службу П.Ф. Бортников начал в Киевском гарнизоне: сначала солдатом (с 4 февраля 1747 г.), потом ротным писарем (с 1748), наконец - "полковым комиссарским"

писарем (с 1751). 7 октября 1753 г. указом правительствующего Сената он был "определен в контору строения и поправления киевских пещерных гор, в которых нетленные мощи угодников Божих имеются, и по отводу реки Днепра в команду архитектора Мичурина" (ГАЯО, ф.72, оп.2, ед.хр.1721, л.267 об. Далее ссылки на эту единицу хранения - в тексте). Что же так круто переменяло судьбу 25-летнего писаря: случай? дарование? личные контакты с известным архитектором (в 1748-1754 гг. И.ф.Мичурин строил в Киеве по проекту Растрелли Андреевский собор)? Неизвестно. Но с этого момента ч до конца жизни - долгих 36 лет - Бортников состоял при "архитекторской науке". По службе продвигался медленно: с 30 июля 1758 - архитекторный сержант; с 24 февраля 1760 - прапорщик; с 1 января 1763 - пошпоручик; с 1 января 1768 - поручик. 1 января 1770 г. Бортников был награжден чином титулярного советника и с тех пор в течение 12 лет "исправлял должность архитектора" при Московской полиции. В 1774-1775 гг. "употреблен был по секретной команде и... послан в город Суздаль" (л.268). Служба в Каменном приказе в формулярах Бортникова не зафиксирована (См. также: ЦГА, ф.266, оп.1, кн.746, л.517). В 1781 г. он по-прежнему числится "в ведомстве Московской полиции". 3 июня 1782 г. Бортников был "уволен от службы" "за болезнью" "без награждения чина (л.268). Однако уже 10 декабря 1783 г. он получил новое назначение - губернский архитектор. Что заставило человека, "домашнего уже к изъезженю силам", находившего "себя далее при сих делах быть неспособным", переменить решение и занять пустующее со дня открытия Вологодского наместничества место губернского архитектора, - не знаем. В Вологду Петр феофанович приехал совершенно больным человеком, "имея повреждения в глазах", "с нуждою" сильнейшим образом, страдая "верх других геморроевскими болезнями" (ЦГА, ф.266, оп.1, ед.хр.653, лл.329-329 об.). Ему 55 лет. У него нет детей. Рядом с ним жена "Анна Леонтьевна дочь Душаткина" (л.267 об.). Губернским городом получал архитектора, который "употребляем был в разным казенным строениям в Головинском бышем и Кремлевском и Бородавском в Москве дворцам и к строению церкви, и с открытием... Воспитательного в Москве дома 4 года", и к "постройке учрежденной высочайшим указом больницы и работного двора с принадлежностью" (л.268). Послужной список - свидетельство дачи. На ос-

новании его трудно составить представление о том, как и в каком качестве "употреблен был" Бортников к строительству названных московских дворцов. В одном нет сомнения: Бортников работал под началом больших мастеров Н.Ф.Мичурина, Д.В.Ухтомского, К.И.Бланка и, следовательно, прошел хорошую школу. О масштабах его дарования можно судить по одной детали: из-за отсутствия "при Московской полиции настоящего архитектора" правление возложило "всю его должность" на Бортникова. В течение четырех лет (1772- ноябрь 1776) гражданским строительством "обширного города" ведал человек, известный сегодня лишь как провинциальный водчий. А роль совсем неважно это место занимал прославленный Ухтомский.

Вологда была последним этапом в биографии и творчестве Бортникова (конец 1783 - 8 октября 1791). Здесь 2 сентября 1786 г. он был удостоен чина коллежского ассессора (л.267 об.), последнюю в своей жизни. Здесь были осуществлены его последние замыслы. Списка достоверных произведений Бортникова в Вологде еще нет и составить его не просто. Обязанности губернского архитектора заключались не только в подготовке проектов, смет, но и в наблюдении за строительством и ведении работ. Последнее особенно важно: иначе возникает опасность "приписать" Бортникову постройки, сооружаемые им по чужим проектам. Бортникова часто называют автором одного из самых совершенных произведений классицизма XVIII в - дома губернатора (1786-1792)(См.: Бочаров Г., Выгодов В. Вологда. Кириллов.Ферапонтово. Белозерск.- М.,1979, с.96). Аргументации М.В.Фехнер (указ.соч., с.115) может показаться убедительной: исследование обнаруживает "полную аналогию в композиции фасадов типовых жилых домов, спроектированных П.Т.Бортниковым в 1773 г. для застройки Таганской части в Москве, и губернаторского дома в Вологде". Однако из документов видно, что "план и фасад губернаторскому дому со службами" сочинены ярославским губернским архитектором И.М.Девенягиным в 1782 г.; Бортникову же с "весны 1785 г." поручено "смотрение" за строительством, осуществляемым подрядчиком, вологодским купцом Матвеем Колесовым (ТАЮ, ф.72, оп.1, ед.хр.1432, лл. 3 об.,21-21 об.,16 об.,19). Другой памятник архитектуры - здание бывшей мужской гимназии (1791-1792) в эти годы "дом еще не совсем сооруженный... от приказу общественного призрения странноприимный и училищный" - Гос.архив Вологодской обл./ТАЮ/, ф.13, оп.1, ед.хр.401, л.7 об) считается по-

строиком Бортникова только потому, что он был в те годы губернским архитектором.

Серьезного научного изучения требует история Каменного моста, великолепного произведения архитектурного и инженерного искусства (1789-1791). Творением Бортникова его называют единодушно и безоговорочно. Однако документы свидетельствуют о том, что 10 января 1789 г. губернский архитектор прислал в Городскую Думу "учиненные им на укрепление построенного моста два плана с фасадами: 1) как онный мост в натуре состоит; 2) с показанием укреплений и что потребно, какой материал..." (ГАВО, ф.476, оп.1, ед.хр.9, лл.7,82, 171-171 об.). Таким образом, Бортникову принадлежит проект укрепления моста, строительство которого началось до его приезда в Вологду (ГАВО, ф.72, оп.1, ед.хр.583, л.98). Как и когда сложилась та оригинальная архитектурная композиция, которую называют Каменным мостом, еще предстоит выяснить. Без обстоятельных архивных разысканий, без научной атрибуции и максимально полного выявления созданных Бортниковым построек невозможно определить реальный вклад архитектора в строительство Вологды и городов Вологодского наместничества. И только одна сторона деятельности Бортникова представляется совершенно ясно. Так же, как и в Москве, в губернской Вологде он прежде всего "старался постройкою жителям асмов... поставя скорейшее удовольствие" (См.: ГАВО, ф.13, оп.1, ед.хр.328, л.274 об.). Он сочинял планы, фасады частных и казенных домов (так, П.Ф.Бортниковым подготовлены план и смета служб при генерал-губернаторском доме - ГАВО, ф.72, оп.1, ед.хр.583). Он проектировал кварталы, магазины и тем самым способствовал распространению передовых архитектурных идей и утверждению новых градостроительных принципов в провинции (См.: "Подписной план положению кварталов, в коих назначено быть строению казенному каменным домов вологодским вице-губернатору, почтмейстеру, казначеям и коменданту - Р.Д./" 1786 г. - ГАВО, ф.13, оп.1, ед.хр.203).

С.Б.Косолапова

СЕВЕРНЫЕ ЖИТИЯ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЙ В XIX ВЕКЕ

К XVIII веку агнографический жанр исчерпал себя, но в XIX в. интерес к житийным памятникам, историческим повестям и местным

рукописям возобновляется. Жития местных святых начинают активно использоваться как источник для исторической, культурной и даже статистической информации.

Уже Н.М.Карамзин при работе над "Историей государства Российского" во многом опирался на жития. В.О.Ключевский в работе "Жития святых как исторический источник" (М., 1871) указывал, что сведения в местной агиографии могут быть "единственными записками" о каком-либо "темном уголке России". В этом исследовании упоминается много северных местных житий (Житие Кирилла Белозерского, Житие Филиппа Ирапского и др.) В 1881 г. вышла книга И.Яхонтова "Жития святых Севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник", уже специально посвященная интересующим нас памятникам. Большой интерес к агиографии проявили и филологи: можно, например, отметить работу Н.Некрасова "Зарождение национальной литературы в Северной Руси" (Записки Новороссийского ун-та, т. IV, вып. I. — Песча, 1870). Здесь исследователь обратил внимание на то, что "различные жизнеописания написаны народным языком... много народных черт в синтаксисе", приведя соответствующие примеры. А.И.Соболевский в книге "Образованность московской Руси XV-XVI веков" (СПб., 1884) использовал жития очень широко: на их основе он, например, сделал вывод о высоком уровне грамотности на Русском Севере в XV-XVI вв.: "Из житий святых XV в. видно, что среди бояр этого времени было в обычай учить детей грамоте... целый ряд житий святых указывает на семилетний возраст как на обычный возраст начинавших учиться грамоте без различия сословий".

Среди библиографических указателей житийной литературы можно отметить книги В.М.Ундольского "Славяно-русские рукописи" (М., 1870) и Н.Барсукова "Источники русской агиографии" (СПб., 1882). Среди северных житий, описанных В.М.Ундольским, следует указать Житие Галактиона Вологодского (№ 296), Житие Игнатия жме на Приладе Вологодского чудотворца (№ 313), Житие Иоанна и Прокопия устюженских (№ 320), два жития Кирилла Новозерского (№ 327, 328), Житие Прокопия устюжского (№ 362). Н.Барсуков называет большое количество местных святых в городах Вологде (39), Белозерске (7), Великом устюге (7) (ср.: Брянск — 2, Смоленск — 2 и т.п.); он же описывает жития Кирилла Белозерского, Нила Сорского, Евросима Сивозерского, Кирилла Новозерского, Филиппа Ирапского. Все эти жития, многие в нескольких списках, находятся в музеях Вологодской области.

В Череповецком краеведческом музее (ЧКМ) много рукописных памятников литературной литературы. Наиболее ценными из них являются списки Жития Евфросина Синезерского (XVII в.), Жития Филиппа Ирапского (XVIII в.) и Житие Кирилла Новозерского (XVII в.). Все эти жития являются памятниками близлежащей территории. Евфросин Синезерский - основатель монастыря на берегу Свиньего озера (в 30 верстах от устья). Пустынь святого Филиппа Ирапского находилась в 45 верстах от Череповца. Монастырь, в котором поживался святой Кирилл Новозерский, был расположен между Кирилловом и Белозерском.

Рукописи этих житий, хранящиеся в ЧКМ, во многих отношениях уникальны. Так, список Жития Кирилла Новозерского вообще довольно много, - но в ЧКМ находится личная рукопись XVII в. Житие Филиппа Ирапского в свое время издал В.О.Ключевский (СПб., 1879), - но в списке ЧКМ указано полное имя автора: Герман. В череповецком списке Жития Евфросина Синезерского также указано имя автора: Иона Филиппов Суровица. Подобные указания - крайне редкий случай в агиографической литературе.

М.В.Строганов

К.Н.БАТШКОВ И ЕГО "МАЛЕНЬКАЯ ФИЛОСОФИЯ"

Представление о Батшкове как о "маленьком философе" стало уже традиционным, ибо эпикуреизм в эпоху героических дел и на фоне великих свершений выглядело уходом от больших проблем жизни. Но "маленькая философия", будучи воспринята в контексте своего времени, предстает вполне обычной философской системой, не столь оригинальной, как кажется, но убедительной и серьезной.

В первом редакционном стихотворении "Мечта" (1804-1805) Батшков писал: "Но счастью певцов / Ушел есть окромна охнь, мнр, вольность и спокойство". В окончательной редакции (1817) этому эпизоду соответствует следующее: "Но я и счастлив, и богат, / Когда снискал себе свободу и спокойство, / А от сует ушел забвения тропи!" Обратим внимание на формулу: "вольность и спокойство", "свобода и спокойство". Случайна ли она? И что за нем стоит?

"Изображение феліцы" Г.Р.Державина было впервые опубликовано с посвящением: "Автор феліцы тебе же, богоподобная, и изображение твое посвятить дерзает. Плод усердия, благодарности, покоя и свободы". Герой "дипедких вох" А.А.Шаховского, Промским, бывшим офицером. Утешает:

Мне, право, кажется, что нам труднее вдвое
Почтенье заслужить и выполнить свой долг
В любезных обществах, в свободе и покое.
Я быть всегда привык к себе по службе строг,
И, все то выполняю, что делать был обязан,
Спокойно чувствовал; мои ум был меньше связан
Бойкою строгостью, чем вольной жизнью твоей,
Где все покорено суждениям произвольным,
Где никогда собою не можно быть повольным,
Бояся преступить обычай принятый,
Условны правила, где даже сердца чувства
Приличия мелочных должны под игом быть...

Поэт Державин согласен с поэтом Батюшковым: "свобода и покой" порождают истинное творчество. Любитель строгих регламентаций Пронский выступает против "суждений произвольных" (а стоящий за ним Шаховской, критикуя его устами "большой свет", впадает в противоречие: оказывается, и там есть "обычай", "условны правила", приличия иго"). Б.К.Кухельбекер, младший современник, переиначив эти понятия в политическую плоскость. "Народ", готовящий и Крмине заговор против тирана, берет своим сигналом к восстанию слова: "Да здравствует кормилица мать богатая! / Де-юре шлет вам вольность и покой". Идеалом народа, таким образом, являются "вольность и покой". По мнению Пушкина, исполнения этого идеала гарантирует мир и спокойствие: "И станут вечной стражей трона / Народов вольность и покой" (опе "Вольность"). Даже частный человек, не будучи увлечен химерами, видит в этом идеал своей жизни: "Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал, и доставит мне покой и независимость!" ("Пик оная дама" - ДСС, т.8, с.235).

Примеры эти можно продолжать до бесконечности. Однако приведенных достаточно, чтобы убедиться в формульности "вольности (свободы) и покоя (спокойствия)". Доходит эта формула к трактату Ж.Ж. Руссо "Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми" (1754), где пытаюсь "объяснить, в силу какого сцепления чудес сильный мог решиться служить слабому, а народ - купить воображаемое спокойствие ценою действительного счастья", автор пишет: "...джарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одно-

го повергло бы другого в отчаяние. Первый жаждет лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться праздным, и даже спокойствие духа столкнётся с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, растрепавший в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, ещё более многотрудные..." (Руссо Ж.-Ж. Трактаты. - М., 1969, с. 45, 96-97). Конечно, поэт, по Батюшкову, не "ликарь", но отнюдь не в гражданской жизни видит он свой идеал:

...Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай

И, шата не ступя за хижину убогу,

К себе богиною быстроту

В молитвах не зовет!

Не слеп ко славе он любовью,

Не жертвует своим спокойствием и кровью:

Могила зрёт свою и тихо смерти ждёт.

("Воспоминание")

На этом построены почти все программные вещи Батюшкова. В зависимости от художественной ценности каждого из этих произведений, они все равно важны как воспроизведение целостной философской системы. Между тем, высказывания о том, "что спокойствие есть счастье, / совесть чистая - сокровище, / Вольность, вольность - дар святых небес" ("К филисе"), - вовсе не были новостью. К чему же это показывать?

Конечно, для тех, кто ищет более всего новизны, старые приспиченные истины не имеют цены. Но для тех, кто видит в "самостоятельном человека залог величия его", истины эти вовсе не бессодержательны. В полном тексте стихотворения "Воспоминание" вслед за процитированными строками про "спокойного домоседа" следует:

Семейство мирное, ужели тебя забуду

И дружбе и любви неблагодарен буду?

Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,

В сени домашних име богов

Усердный ескулап божественною наукою

Исторг из-под косы и ливно косящим

Меня, борющегося уже с смертельною мукой!

Ужели я тебя, красавица, забуду,

Тебя, которую...

Это не "маленькая философия". Пусть она не стремится объять собой весь шар земной. Но в углублении в частную человеческую жизнь, в постижении ценностей Дома заключено ее большое человеческое значение. Она не влечется за идеалами сегодняшнего дня, но преследует то, что в свое время волновало предыдущие поколения и будет волновать будущее. Видеть в лирике Батюшкова анакреонтику и эпигурейство или гелонизм значит не понимать, что жизнь действительно слишком кратка, чтобы прелесть ее случайным ценностям. Любовь, дружба и семья — вот истинные ценности для человека.

Как счастье медленно приходит,

Как скоро прочь от нас летит!

Блажен, за ним кто не бежит,

Но сам в себе его находит!

("Элегия", 1805)

Эту "маленькую философию" наследовали Пушкин, Лев Толстой. Лект она на магистральной философской мысли.

В.А.Комельов

О МЕСТЕ К.Н.БАТЮШКОВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Еще В.Г.Белинский, говоря об особом значении творчества Батюшкова для последующего развития русской литературы вообще и Пушкина в частности, счел необходимым подчеркнуть: "Батюшков не имел почти никакого влияния на общество, пользуясь великим уважением только со стороны эстетических сложенств своего времени..." (ПСС, т.7, с.224). Это восприятие критика соответствовало характерным высказываниям современников поэта. М.А.Дмитриев, восхищаясь "огромной славой" Батюшкова, отговариваясь: "Довольно сказать, что между литераторами он разделял эту славу с Буковским, хотя в читающей публике и не имел столь всеобщей известности" (Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. — М., 1869, с.195). И.Н.Розанов завершил свои очерки о Батюшкове недвусмысленным утверждением: "...Батюшков — поэт для немногих..." (Розанов И.Н. Русская лирика. — М., 1914, с.264).

В подобных высказываниях показательно прежде всего представление о Батюшкове как о "поэте для поэтов". Интересно, что некоторые тезисы статьи В.Ф.Маяковского "В.В.Хлебников" (1922), где впервые была проведена грань между "поэтом для потребителей" и "поэтом для производителей", неожиданно оказываются соотносимы с творчеством не

Хлебникова, а Батюшкова, чья "биография - пример поэтам и укор поэтическим дельцам", произведения которого "надо брать в отрывках, наиболее разрешающих поэтическую задачу", в стихах которого бросается в глаза его небывалое мастерство" и т.п. (Полн. собр. соч., т. 2. - М., 1939, с. 475-483). Более того, отзывы Маяковского о Хлебникове неожиданно перекликаются с отзывами Белинского о Батюшкове.

Возможность подобного "странного сближения" основана на том, что Батюшков по основной направленности своих творческих поисков выступал именно как "поэт для произволителя". Его многочисленные "опыты" (экспериментальные по субъективной направленности) редко приводили к созданию совершенных художественных образцов и, как правило, были единичны. При этом они бывали потоком разного рода подражания, продолжения, - то есть быстро становились традицией, подхватывавшиеся многочисленными последователями. Единжды попробовав себя в жанре литературной сатиры нового типа, позже названном "арзамасской" ("Выделение на брегах Леты") или в жанре литературной пародии ("Певец в Беседе Славянороссов"), Батюшков больше никогда к этим жанрам не обращался, - но стимулировал появление целого потока подобных произведений. Такими же единичными образцами, многократно повторенными продолжателями, стали его антологические стихотворения ("Накханка", "Из греческой антологии"), историко-литературные эссе ("Умиравший Тасс"), поэтические послания-мемориалы ("Моя Пенаты"), "военные" эссе ("Переход через Рейн") и т.п.

Еще характернее в этом отношении проза Батюшкова, давшая простор для самых смелых аналогий. Тут и элементы будущего "физиологического очерка" ("Прогулка по Москве"), и первый искусствоведческий обзор в русской литературе ("Прогулка в Академии Художеств"), и образцы документальной литературы ("Воспоминание о Петине"), и поиски (в записных книжках) нового типа художественного повествования.

Батюшков был поэт, избравший для себя позицию "дилетанта", любителя, не связанного поэтически-профессиональными условностями. Поэт-"скиталец" ("три войны, все на коне и в мире на большой дороге"), обращавшийся к литературному творчеству от случая к случаю. Поэт, открыто следовавший лучшим образцам икононациональных словесностей и сознательно опиравшийся на "образцы". Поэт, избегавший больших форм и ориентированный на "совершенные безделки", важные

по его мнению, лишь в стилистическом отношении. Поэт, обладавший особыми возможностями эволюции, способный и мгновенным переходом от "светлого" мирозерцания к "мукам сомнения и горечи отчаяния". Поэт, болезненно переживавший частые душевные и творческие кризисы, каждый из которых означивал начало качественно нового этапа творчества. Поэт, сознательно отделивший свою индивидуальность от "всех обществ" и получивший вследствие этого отпеления серьезные возможности для независимого "движения".

Батюшков остался поэтом, находясь в состоянии переходности, причем, переходность эта, в данном случае, стала самым устойчивым признаком той системы, в русле которой возможна оценка его творческой индивидуальности. Сетую на то, что "Батюшков как будто не сознавал своего призвания и не старался быть ему верным" и противопоставляя его в данном случае Жуковскому, который, "руководимый и непосредственным влечением своего духа, был верен своему романтизму и вполне исчерпал его в своих произведениях" (ПСС, т. 7, с. 225), Белинский прежде всего имел в виду эту черту творческого облика Батюшкова, расцененную им как "противоречие": "Он романтик... и не романтик..." (Там же, с. 242).

Белинский объясняет это "противоречие" тем, что Батюшков "всегда находился под влиянием своего времени", и далее: "А его время было странное время, — время, в которое новое являлось, не сменяя старого, и старое и новое дружно жили друг после друга, не мешая одно другому" (Там же, с. 242-243). Творчество Батюшкова осознается критиком как момент перехода от "старого" к "новому", обозначившийся не как замена "старого" "новым", а как постепенное "перерастание" "старого".

В этом движении "от... к..." — суть творческой индивидуальности Батюшкова-писателя. Причем, конкретное наполнение этого промежутка указанием начальных и конечных "пунктов" этого движения — "от классицизма к романтизму" (К. Н. Григорьян), "от классицизма к просветительскому реализму" (Г. П. Макогоненко), "от легкой поэзии к романтизму" (П. А. Орлов) и т. д. — оказывается во всех случаях недостаточным, ибо ни одна из предложенных формул не охватывает всех этапов эволюции поэта, чрезвычайно стремительной и "свернутой". Если пользоваться привычными обозначениями, то на первом этапе творчества (1805-1809) для Батюшкова было характерно преимущест-

ванное движение "от классицизма"; на втором (1810-1814) - от "легкой поэзии", на третьем (1815-1817) - от романтического "проемирия" и т.д.; те же устремления, которые условно можно назвать "реалистическими", периодически появляются в произведениях как ранних, так и более поздних. Сами же "переходы" Батюшкова совершаются причудливо, скачкообразно, с многочисленными "возвратами", что называется, "с оглядкой" - и никак не укладываются в привычное представление об эволюции как процессе плавного накопления изменений.

Как указывал В.И. Ленин, "...жизнь и развитие в природе включает в себя и медленную эволюцию, и быстрые скачки, перерывы постепенности" (ЛС, т. 20, с. 66). Подобные "перерывы постепенности" стали организующим началом постоянных изменений Батюшкова-художника. Скачкообразный характер развития творческой индивидуальности Батюшкова наложил отпечаток и на характер его переходности, которая не может быть устойчиво заключена в привычные обозначения начального и конечного пункта этого перехода. "Движение", провозглашенное Батюшковым в качестве основной характеристики поэтического развития его времени ("Речь о влиянии легкой поэзии на язык"), при отсутствии устойчивых изначальных художественных ориентаций, создавало предельно широкие возможности для постоянного недоконченности, для существования в пределах "от... к...".

Иное определение сущности переходности Батюшкова присутствует в частных определениях его места в русской литературе - "преемщи Пушкина", - определениях, фактически создавших репутацию Батюшкова как своего рода "несостоявшегося Пушкина", чья историко-литературная роль заключалась в подготовке явления "солнца русской поэзии". В этом смысле главным в творческой направленности Батюшкова оказывается опять-таки момент перехода: "от до-Пушкина к Пушкину". "Художественная деятельность Батюшкова, - писал Л.Н. Майков, - представляет собой счастливые начатки того, что получило полное осуществление в деятельности гениального Пушкина" (Майков Л.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. Изд. 2-е. - СПб., 1896, с. 240).

Однако и этот аспект истолкования переходности Батюшкова оказывается прeusмысленным. Больно или невольно (как подметил А.Д. Зорин) он сводит на нет собственные поэтические достижения Батюшкова: зачем горевать о поэте, так рано ушедшем из литературы, если Пушкин состоялся и осознан как конечный момент "перехода"? Между

тем, самоценность Батышкова вовсе не сводится к тому, что он готовил "явление Пушкина" - условно говоря, Батышков "готовил" многие последующие литературные достижения.

Поэтому в обозначении конкретных границ переходности Батышкова-писателя мы вынуждены ограничиться теми общими категориями, которые наметил еще Белинский: в условиях литературы первой четверти XIX в. Батышков разрывался "от старого к новому", не разрушая "старого". Но те элементы "нового", которые он открывал своим творчеством, воплотились впоследствии у Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Толстого - в крупнейших достижениях русской классики.

Л.А.Орехова

**"ОТРЫВОК ИЗ ПИСЕМ РУССКОГО ОФИЦЕРА О ФИНЛЯНДИИ" БАТЫШКОВА
ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ**

"Отрывок..." Батышкова появился в печати в 1810 г., в период бурного развития прозы "путешествий", начало которой одни исследователи датируют 1772 г. (Т.Роботи - Русская проза.-Д., 1926; с. 42), другие - выходом в свет "Писем русского путешественника" Н.М. Карамзина (Е.Иваница - Вестник Моск.ун-та, серия филология, 1979, № 3, с.6). Так или иначе, "путешествия" к этому времени было уже достаточно освоённым жанром, количественно превзошедшим даже "чувствительную" повесть. Об известном канонизации этого жанра красноречиво свидетельствовали многочисленные пародии на "путешествия", подмечавшие его признаки: форма послания к другу, посвящения, обширные преисловия, орнаментальность, включение в структуру повествования стихов, новелл, даже анекдотов.

Батышковский "Отрывок..." названием своим подготавливал читателя к восприятию "путешествия". Но вряд ли бы он вызвал столь положительные отзывы современников, у которых заслужил славу лучшего прозаического произведения Батышкова, если бы действительно соответствовал жанровому ожиданию. Отрывок оущественно отличается от привычной путевой прозы.

Как правило, автор "путешествия" создавал сюжет своего произведения в соответствии с избранным маршрутом, - притом свободно избранным (свобода автора - необходимое условие "путешествия"). Схематом "по маршруту", с соблюдением хронологии встреч, Батышков вполне владел ("Путешествие в замок Сира"). Но в "Отрывке..."

речь идет не о путешествии, а о вынужденном и довольно длительном пребывании автора в Финляндии в составе русских войск, "в бурное военное время" (1808-1809 гг.).

Автор указывает, что "видел Финляндию от берегов Кхменя до шумной улеи", но строит рассказ не на описании пространств, а на наблюдениях над "белой и утримой" природой края в разное время года, суток, при разных погодных условиях, на раздумьях о прошлом и настоящем страны, о людях, которые и здесь "могут находить счастье".

Исследователи уже отмечали мастерство Батюшкова-пейзажиста в "Отрывке...", монументальность и реалистичность его картин (Н.В. Фришман). Сюда следует добавить и стремление Батюшкова добиться максимального читательского сопереживания, особого романтического восторга при виде "суровой и дикой природы" (сверхзадача для обычного "путешествия"). Этому способствуют многочисленные обращения к другу (читателю): "видишь ли, как она (вода - Л.О.) пенится? слышишь ли, с каким глухим и протяжным шумом разбивается о гранитные скалы, которые несколько веков презирают порыв бурь и ярость волн?". Посмотри даже: огонь небесный или неутомимая рука пахаря захватил сей бор?.."

"Отрывок... не несет значительного этнографического и историко-культурного материала о Финляндии: давно замечены фактические ошибки, неточность отдельных описаний и т.п. Но для современников Батюшкова это было не так уж важно (в отличие, например, от людей 40-50-х годов: вспомним полемику вокруг "писем об Испании" Вл. Буткина). Важно было, что автор сумел нарисовать романтически впечатляющую картину древней земли. Не случайно при первой публикации ("Вестник Европы", 1810, ч. 50, № 8) произведение называлось "Картина Финляндии. Отрывок из писем русского офицера".

Глубинной поэтической силе "Отрывка..." и философской значимости его способствует смещение разных временных пластов в повествовании. условно=смысловое время рассчитано на первое читательское восприятие: автор=герой пишет письмо к другу, зачарованно оглядывая дали, поминчая конкретные детали обстановки (ратный стан, рухля, сложенные пирамидой и т.п.). Но ощущение сиюминутности исчезает в описании гор, озер, бора. Здесь мы включаемся в сферу, так сказать, авторского времени - именно многократно авторские наблюдения положены в основу обобщающей картины Финляндии. "Здесь лето продолжается не более шести недель, бури и непогоды царствуют в

течение девяти месяцев, осень ужасна, и самая весна нерезко принимает вид мрачной осени; кулаки обратились в зоры — везде, везде встречаешь или зоры, или камни... В конце апреля начинается жара: снег тает поспешно, и источники, образованные им на горах, с шумом и пеной низвергаются в озера...". Повторяемость виденного подчеркивается истолкованием глаголов настоящего времени.

Вдруг погодилось — изменяется и время глагола для обозначения мгноновения. Полюбопытство: "ветер повеял с севера, и поверхность озера пробудилась, как от сна!.." Но и это не было не раз; автор знает, что будет дальше, — и вновь появляются глаголы настоящего времени: "Соседние леса повторяют голос бури, и вся природа является в ужасном расстройстве. Сии страшные явления напоминают мне мрачную мифологию скандинавов, которым божество являлось почти всегда в гнеше, карающим слабое человечество".

Незаметно и органично произошло переключение авторского времени на историческое: взгляд вглубь веков, поклонение перед "улыбками, непобедимыми силами первобытной природы", что "насеяли сны пещеры, питались молоком зверей и падали пределом блаженства удачу на охоте или победу над врагом..."

Историческое воспоминание рождает настроение особой торжественности, и автор вдруг отделяет себя от поэта, который "любит мечтать о временах протекших и погружаться мыслями в оныя века варварства, великодушия и славы..." Две линии в повествовании образ поэта-романтика показывая, что "и под суровым небом плямное воображение создавало себе мир и украшало его прелестными вымыслами". Романтический слух поэта способен улавливать далекий голос эпохи (он слышит скальда глас, / Прерывистый и томный...), но ему не дано осмыслить страшную дисгармонию, привнесённую войной: "пришествие полков" в лес, "хранивши безмолвие... от создания мира", "следы побед бывших и следы веков, давно протекших". И потому с новой силой звучит голос автора: полный растерянности и печали: "Здесь мы победили; но целые ряды храбрых леги, и вот их могилы!.. Этот ряд русских могил в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорит мимоидущему воину: и тебя ожидает победа — и смерть!" Это уже голос современника, страдающего при виде разрушенной картины мира: "...Смарила воинский близ мирной кущи селянина. Разительная противоположность!". Так лирическая раздвоенность (автор и поэт) помогает острее почувствовать трагичность темноты.

Как видно, в замысле "Отрывок..." нас не только знакомство со страной, "соседней Гинсборрейскому морю", но и безоглядно отчаянные (еще есть протест!) мысли Батюшкова о войне. Батюшковские "тоска души и ее порывы к бесконечному" (Белинский; ПСС, т.7, с.243) определили содержание и поэтику "Отрывка..." вот почему его предпочтительнее называть (подобно "Умирающему Тассу" или "На развалинах замка в Швеции") "исторической, или эпической, элегией" (Белинский, там же, с.244). Элегии в прозе вместо путевого очерка. Это было неслыханно для современников. В признании которых сказались очевидное иррациональное, но не до конца осознанное, новаторство Батюшкова, поэта в прозе.

А.Д.Яновский

К.Н.БАТЮШКОВ И Н.Н.РАЕВСКИЙ

(Новые документальные свидетельства о сражении при Салтановке)

В 1949 г. Государственным Историческим музее (ГИМ) приобрел у П.С.Котляревской архив ее родственницы, фрейлины Барбары Николаевны Репниной-Волконской (1808-1891), дочери крупного дипломата и государственного деятеля, героя Отечественной войны 1812 г., генерала-от-кавалерии князя Н.Г.Репнина-Волконского. Младший брат Николая Григорьевича - С.Г.Волконский, один из лидеров декабристского движения, зять прославленного генерала Н.Н.Раевского, которому В.Н.Репнина-Волконская приходилась внучатой племянницей.

К числу документальных реликвий этого архива относится и переписка генерала Н.Н.Раевского. Наибольший интерес представляют 18 писем генерала к жене, С.А.Раевской, 4 письма к сыну, А.Н.Самодлову, и письмо к сестре, В.А.Константиновой. Все эти 23 письма, датированные мартом 1812 - мартом 1814 гг. не публиковались.

В этих письмах, в частности, отражился эпизод, ставший предметом многих споров и суждений - сражение при Салтановке 11/23 июля 1812 г., в котором генерал Н.Н.Раевский участвовал вместе со своими сыновьями: 16-летним Александром и 10-летним Николаем. В этом бою УП-й пехотный корпус Раевского, усиленный двумя прегунскими полками генерал-майора К.К.Сиверса (общая численность русских войск - 15 тыс.чел.), противостоял 28-тысячному корпусу одного из лучших наполеоновских маршалов Л.-Н.Даву. Боевой задачей генерал-лейтенанта Н.Н.Раевского было задержать французов и

дать возможность П-и Западной армии П.И.Баграциона переправиться через Днепр и вынудить к соединению с 1-ой Западной армией М.Б.Барклая-де-Толли. В самый решительный момент сражения, когда солдаты корпуса Раевского дрогнули, он сам во главе колонны Смоленского пехотного полка, поставив рядом двух сыновей, Александра и Николая, повел основные силы своего корпуса в атаку, мощи которой противник не выдержал и вынужден был отступить. При этом Александр нес полковое знамя, подхваченное из рук убитого знаменионосца.

Указанные факты подтверждаются письмом Н.Н.Раевского к жене от 15 июля 1812 г., в котором генерал так описывал повеление сыновей в бой: "Александр сделался известен всей армии, он далеко пойдет ... Николай, находившийся в самом сильном огне, лишь шутит. Его штанишки прострелены пулей, я вам их отсылаю. Этот мальчик не будет заурядностью" (ОПИ ГИМ, ф.160, ед.хр.261, лл.24-25). Примерно то же самое писал Раевский и к сестре жены Е.А.Константиновой 22 июля 1812 г. (Русская старина, 1874, т.9. с.766-767; Архив Раевских, т.1. СПб., 1906, с.154-155 /на франц.яз./).

Подвиг генерала Раевского с сыновьями вдохновлял многих писателей, поэтов, художников. О нем писали и говорили в разное время родные и близкие друзья Раевского: его дядя А.Н.Самойлов, внук Н.М.Орлов, зять С.Г.Волконский, дочь М.Н.Волконская, двоюродный брат Д.В.Давыдов, поэты В.А.Жуковский, А.С.Пушкин, В.Ф.Раевский, военные историки, участники войны 1812 г. А.М.Михайловский-Давыдовский и друг семьи Раевских И.П.Дипранди, очевидец и участник боя под Салтавошкой А.П.Бутенев.

Однако в мае 1817 г. поэт К.Н.Батышков, служивший с августа 1813 г. адъютантом Раевского, выступил с неожиданным свидетельством: в январе-феврале 1814 г. генерал Раевский, находясь в Эльзасе, признался ему в одной из бесед, что участие его сыновей в бою под Салтавошкой есть не что иное, как досужий вымысел и романтическая сказка "журналистов" и "куудлиств".

Показание Батышкова породило множество сомнений и споров (оно было впервые опубликовано в 1885 г.). Так, выдающийся военный историк М.И.Богданович в трехтомной "Истории Отечественной войны 1812 года" предпочел обойти этот эпизод молчанием. Немало скептиков на этот счет остается и ныне. Мы полагаем, что процитированное выше свидетельство из письма Раевского к жене, как и опубликованное его письмо к Е.А.Константиновой является достаточно

убедительными показательствами участия братьев А.Н. и Н.Н. Раевских в Салтамовском сражении. Кроме того, единоутробный брат Н.Н. Раевского — Старшего, много раз деливший с ним трудности походной жизни, будущий декабрист В.Д. Цавилов в одном из писем Раевских к жене и матери собственноручно приписал такие слова: "Я прошу моих дорогих племянниц и героя Салтамовки вспоминать время от времени их папу и обнимать их от всего сердца" (ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 261, л. 34 об.). Под "героем Салтамовки" здесь подразумевается младший сын генерала Раевского Николаи, который еще 15 июля 1812 г. был отправлен к матери и сестрам в Каменку (именно Раевских в Киевской губернии).

Однако, чтобы окончательно расставить все точки над С, приведем еще одно показательство. В конце письма к Е.А. Константиновой генерал Раевский заметил, что Александр и Николаи "оба были повышены в чинах" (Архив Раевских, т. I, с. 154-155). Но если в формулярном списке А.Н. Раевского и этот счет имеется вполне определенная запись, гласящая, что он участвовал в сражении "11-го июля при селении Султамовке", за что 4 августа 1812 г. был произведен в подпоручики (там же, с. 163), то в формуляре младшего брата о Салтамовке нет ни слова. Нам удалось найти в ГИМ чрезвычайно интересное дело: "Документы, переданные в канцелярию Музея 1812 года из канцелярии Московского генерал-губернатора". Здесь в разделе о награждениях за отличия при деревне Салтамовке в перечне младших офицеров двукратно записана фамилия "Раевский" и в обоих случаях против нее значится: "Повышен в чине" (ОПИ ГИМ, ф. 160, оп. I, ед. хр. 231, л. 33). Это документальное свидетельство, думаю, должно стать уже исчерпывающим в цепи показательств участия обоих сыновей Раевского в боях под Салтамовкой.

Разумеется, все эти доказательства не ставят целью заполнить Н.Н. Батюкова во лжи или намеренной фальсификации. Можно не сомневаться, что разговор между ним и Н.Н. Раевским действительно происходил и носил примерно такой характер, как об этом рассказал Батюков. Из писем генерала Раевского четко вырисовывается вся его сложная, противоречивая, вспыльчивая натура. Иногда в состоянии апатии, в порыве недовольства или гнева этот человек мог отрицать или оспаривать очевидные истины, несправедливо ругать честных и порядочных людей. Поэтому причины, побудившие Н.Н. Раевского отрицать факт участия сыновей в сражении под Салтамовкой коренились, скорее всего, в нем самом и были весьма

субъективны. Ведь и сам Батышков, проведший с Раевским почти 11 месяцев, писал о нем следующее: "Он молчалив, скромн отчасти, сдержан, недоверчив... У него есть большие слабости и великие юношеские качества... Раевский славный воин и иногда хороший человек - иногда очень странный".

М.И. Качурин

К.Н. БАТЫШКОВ И Л.Н. ТОЛСТОЙ

(Проблема преемственности художественных позиций)

Сопоставление этих двух имен в связи с идеей литературной преемственности может показаться странным. Не говоря уже о том, что в данном случае не могло быть личных встреч, Батышков менее всего интересовал Толстого среди писателей предшествующих поколений. В громадном массиве толстовских произведений, дневников, писем Батышков упомянут всего однажды, причем попутно, в ситуации, которая не свидетельствует о внимании именно к нему. В материалах к "декабристам" имеется перечень "знаменитых живых писателей" того времени, к которому относится молодость героев романа, и там, между И.И. Дмитриевым и В.Л. Пушкиным, назван Батышков (Толстой Л.Н. ПСС (Юб.), т. IV, с. 459).

Тем удивительнее факт, что "дух Батышкова" не только присутствует в толстовской эпопее, но, кажется, незримо формирует авторскую позицию, авторский взгляд человека на историю.

Мне уже довелось говорить о поразительной близости анекдотов об Н.Н. Раевском из Батышковской записной книжки "Чужое: мое сокровище!" с размышлениями Николая Ростова в момент, когда он услышал о посылке генерала и его сыночек из Сагановской плотины (См.: Тезисы докладов к научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К.Н. Батышкова. - Вологда, 1987, с. 30-32). Но поразительна не только эта частная деталь: вся толстовская эпопея пронизана идеей естественности в поведении человека и в словесном изображении его мыслей и поступков - идеей, которая была выдвинута Батышковым и так убедительно реализована им в анекдотах и заметках на страницах записной книжки.

С этой точки зрения проза Батышкова вообще выглядит несомненно преемственной прозой Толстого.

Предположение о том, что Толстой мог читать "чужое: мое сокровище!", представляется невероятным: записная книжка Батюшкова была опубликована лишь в середине 1880-х годов. Правда, Толстой во второй половине 50-х гг. бывал у Д.Н.Блудова, в молодости - основателя "Арзамаса", одного из близких друзей Батюшкова, а в ту пору - крупного государственного деятеля (см.: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. - М., 1959, с. 131). Но даже если Толстой слышал от Блудова что-то из батюшковских устных рассказов, это не может объяснить несомненной близости художественных воззрений писателей двух разных поколений. Перед нами проявление известной закономерности: наследования художественного сознания во всей его сложности, динамичной целостности. В этом движении важнейшее значение приобретают кризисные эпохи, когда пересматриваются социальные, этические, эстетические традиции (в данном случае - Отечественная война 1812 г. и Крымская кампания 1853-55 гг.).

Вместе с тем, "сродство" художников разных поколений при явном отсутствии прямых контактов и очевидном своеобразии каждого из них может быть порождено и типологической общностью их характеров, что в случае с Батюшковым и Толстым прослеживается довольно отчетливо.

А.В.Лукановский

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ РАССКАЗЫ

В конце XVIII - начале XIX в. в русской литературе началось активное развитие прозы, в частности, повести (сказки). Повестью считалось произведение, содержащее одно происшествие. Дальнейшее развитие малой прозы привело к выделению в середине 1820-х гг. новой жанровой формы - рассказа, тоже основанного на изображении одного события. Возникла необходимость размежевания повести и рассказа. В конце 1820-х гг. появились первые теоретические работы, выявлявшие специфику рассказа и его отличие от повести. Становление же самого жанра шло по трем линиям: 1) выделение особой формы "самого рассказа" (определение К.А.Полевого); 2) переработка анекдота в рассказ-новеллу; 3) отделение повести от рассказа "Самый рассказ" был представлен произведениями А.Бестужева, О.Сомова, Е.Амальиной и ряда других авторов (произведения, самими авторами называемые рассказами). Первым это жанровое определение

употребил А.А.Бестужев в 1825 г., назвав "рассказом" свое произведение "Кровь за кровь" (алм. "Звездочка"). Слово "рассказ" встречалось в ползаголовках и раньше, но обозначало оно не жанр, а форму подачи материала: рассказ как устное повествование о каком-либо происшествии (ф.Булгарин "Смерть Дюпятинского", 1823).

"Кровь за кровь" состоит из двух композиционных частей - ситуации рассказывания и "самого рассказа". Ситуация рассказывания объясняет, как возникла потребность в рассказе, кто, кому и при каких обстоятельствах рассказывал. Последняя фраза ситуации рассказывания передавала слово рассказчику. Рассказ персонажа отделен от ситуации рассказывания фамилией автора и интервалом: он начат с красной строки и оформлен как прямая речь. Тот факт, что между ситуацией рассказывания и рассказом персонажа стоит фамилия автора, говорит за то, что собственно произведением А.Бестужева считал "самый рассказ" персонажа.

Произведения с такой композицией не были совершенно новыми в русской литературе, - но в середине 1820-х гг. стали выделяться в заметную группу. Особое внимание читателей и критики привлекали "Рассказы путешественника" О.Сомова: опираясь на них, Кс.Полесов и др. первое определение рассказа. По мнению критика, ряд повествовательных произведений в конце 1820-х гг. включал роман, повесть и рассказ. К последним относятся такие произведения, в которых "все составляет сам рассказ". Мотивы выделения этого жанра объяснялись тем, что рассказы "всегда заключают в себе... новый, оригинальный взгляд на предмет рассказа, следовательно, составляют акт познания, удовлетворяющий читателя новостью пути, коим достиг автор своей цели". Ситуация рассказывания, фигура рассказчика, наличие "самого рассказа" были признаками становления новой повествовательной формы, "стабилизации жанра" (Ю.Гинянов). Появление произведений с этими признаками и заставило говорить о возникновении жанра рассказа.

Вскоре после выделения рассказа стало ощущаться противоречие в его структуре: с одной стороны, она была нацелена на отображение реальных событий действительности, с другой - включала условную ситуацию рассказывания, создаваемую почти всегда по одной схеме. В этом плане выделяется рассказ О.Сомова "Кикимора. Рассказ русского крестьянина на большой дороге" (1828). Он показывает, что как только автор попытался представить другой для него

мир, ему пришлось сделать ситуацию рассказываемая более жизненной, определять свое отношение к рассказанной истории и к рассказчику. Возникла дистанция между автором-повествователем и рассказчиком. Эта особенность осомовского рассказа развита А.С.Пушкиным в "Повестях Белкина".

Рассказ-новелла развивался из анекдота-происшествия; промежуточным звеном в этом линии был литературный анекдот, весьма распространенный в 1820-е гг. Ценным качеством анекдота в аспекте развития рассказа было то, что он обращал внимание на факт и фактом обладал характер. Но сам характер понимался в нем абстрактно (добродетель - порок), без связи с конкретным временем. Спрельзляющим моментом в данном случае оказались "Повести Белкина" А.С.Пушкина, где факт стал признаком изменяющейся жизни, а анекдот превратился в рассказ-новеллу. Литературный анекдот мог быть превращен и в "самый рассказ" (О.Сомов "Странный поединок").

Примерно с середины 1820-х гг. русская повесть начала укрупняться, изображать несколько конфликтных ситуаций и несколько событий (А.Бестужев "Замок Нейгаузен", "Ревельский турнир", "Изменник"; О.Сомов "Гайдамак", А.Погодельский "Монастырка" и др.). В связи с этим ускорилось размежевание повести и рассказа, а также возникла оппозиция понятию "повесть" - "сказка", еще в начале 1820-х гг. бывших синонимичными (А.Погодельский подчеркнул в "Двойнике": "я писал сказки - маленькие повести"). До начала 1820-х гг. повесть определяли как произведение, содержащее одно происшествие (Н.Ф.Остолопов); во второй половине 1820-х гг. такое произведение некоторыми писателями стало именоваться "сказкой", а за укрупняющейся формой сохранилось наименование "повесть". Писатели и критики, придерживавшиеся традиционной точки зрения (М.Погодин, А.Глаголев, Н.Кошанский) предпочитали все-таки объединять "алух и среднюю форму одним названием "повесть". Доблестно столкнул традицию и тенденцию Пушкин: он назвал цикл "Повести Белкина" - в письмах же именовал свои произведения "сказками" (повести Белкина - но сказки Пушкина!). Постепенно за формой "маленькой" повести (в основе которых - изображение одной конфликтной ситуации) закрепилось название "рассказ", даже и в том случае, когда оно не содержало "самого рассказа" (А.Глебов "Сельская ярмарка", Б.Одоевский "Импровизатор", "Быль" неизвестного автора и др.).

В конце 1820-х - начале 1830-х гг. "самый рассказ" стал наибо-

лее популярной разновидностью из трех, рассмотренных выше ("самый рассказ", рассказ-новелла и "маленькая" повесть). Это обстоятельство обусловливало перенос наименования "рассказ" на произведения других разновидностей.

А.Б.Новиков

ПОВЕСТЬ О.И.СЕНКОВСКОГО "НЕЗНАКОМКА" И ТРАДИЦИИ
РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Осип Иванович Сенковский (Барон Брамзеус) (1800-1858) - один из оригинальнейших фигур русской литературы и журналистики первой половины XIX в. Он вошел в историю литературы как редактор журнала "Библиотека для чтения", как критик (противник Гоголя и Пушкина) и как автор целого ряда художественных произведений, до сих пор не оцененных по достоинству ("фантастические путешествия Барона Брамзеуса", "Турецкая цыганка", "Петербургские кресты", "Похлоднения одной ревнивой души" и др.). Предмет нашего сообщения - его повесть "Незнакомка" (1832), открывавшая знаменитый цикл "Новых альманахов "Номосельз" (СПб., 1833).

Повесть "Незнакомка" традиционно считается вариацией на тему произведения французского писателя и журналиста Е.Данена. Это, однако, не совсем так: Сенковский здесь достаточно оригинален и в повествовании своем не отражается только французский влияние. Его остроумная и ироничная манера изложения опирается не только на традиции, в том числе и на отечественные.

По нашему мнению, основной традицией, активно использовавшейся Сенковским-повествователем, стала традиция русской сатирической прозы XIX в., наиболее ярко представленная в журналистике и беллетристике 1770-1780-х гг. (произведения Н.И.Новикова, И.А.Крылова, Ф.А.Эмина, Н.И.Страхова, И.Д.Чулкова, Н.Г.Курганова и др.). Именно здесь получили развитие традиционные жанры и формы сатирико-публицистической прозы, использованные Сенковским: сатирические диалоги, пародийные "письма", "лечебники" и т.п., сатирико-утопические "сны". Объединяющие черты этих жанров, как содержательные, так и жанрово-стилистические, были активно использованы Сенковским. Сближает его произведения с прозой XIX в. и ориентируя на полемику (в том числе литературную), присутствие "второго", пародического смысла, обилие комических ситуаций, иронических вы-

паков с определенным "подтекстом", живой разговорный стиль и, конечно, такой прием, как непосредственное обращение к читателю, живой диалог с ним.

В докладе прослеживается соответствие элементов сатирической прозы ХУШ в. прозе Сенковского на материале лишь одной, ранней, его повести.

Р.Г.Назарьян

ТВОРЧЕСТВО К.Н.БАТЫШКОВА В ОЦЕНКЕ В.К.КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Знакомство Кухельбекера с поэзией Батышкова состоялось в первой половине 1810-х гг., в период бурной литературной полемики "классиков" и "романтиков", "Арзамаса" и "Беседы", "лишковистов" и "кэрэмзинистов". Полемика в языке и о судьбах отечественной словесности захватила широкие слои русской интеллигенции. Не осталась в стороне и Царскоесельский лицей, воспитанники которого безоговорочно приняли сторону "кэрэмзинистов". Рубя ли не все лицейские поэты были почитателями Жуковского и Батышкова, с именами которых связывалось само появление "новой школы" русской поэзии (А.Бестужев). В лицее царил подлинный культ элегической музыки.

Принятый в лицей после окончания немецкого учебного заведения в Лифляндии, Кухельбекер отнюдь не был ориентирован на новейшую поэзию. Его кумирами были Клопшток и Гете, французская же поэзия "легкой поэзии" оставляла его равнодушным. Однако влияние лицейского окружения было весьма сильным - Кухельбекер постепенно становится в ряды приверженцев "новой школы". О знакомстве его с произведениями Батышкова свидетельствует лицейский "Словарь" (1815-1817), в котором встречаются цитаты из произведений "Парли Россдильского". Да и сами стихи молодого Кухельбекера несут на себе явную печать подражания Жуковскому и Батышкову. Уже в первой своей критической работе "Взгляд на нынешнее состояние русской словесности" (1817) Кухельбекер восторженно отзываясь о Жуковском, переменившем не только форму русской поэзии, но и принявшем "германический дух" русскому языку.

В статье "Взгляд на текущую словесность" (1820) Кухельбекер, оценивая стихи П.А.Катенина, сопоставляет их с высокими образцами - сочинениями Жуковского и Батышкова (стихи Катенина могли бы "принести честь тому и другому"). Напротив, стихи П.А.Плетнева,

по мнению критика, хороши только тогда, когда поэт стремится быть оригинальным, выходит "из толпы подражателей Батюшкова и Жуковского". Батюшков уже выходит в круг почитаемых стихотворцев, становится в глазах Жульбекера тем, чьими "трудами" оцнен "слог новейшей поэзии".

В рецензии на книгу С.С. Уварова и К.Н. Батюшкова "О греческой антологии" ("Сын Отечества", 1820, ч. 62, № 23, с. 145-151) Жульбекер оценивает как ее теоретическую часть, так и переводы. "Пристрастный любитель всего нравного", он поначалу высказывает сожаление, что переводчик не сохранил размеры греческих полтинников, но обаяние прочитанных стихов оказалось столь велико, что "пре-лестные, исполненные гармонии ямбы заставили... совершенно забыть о сем недостатке". Наслаждаясь "удивительным искусством в образовании и сохранении пиитического периода", совершенством в про-о-дии, Жульбекер пытается угадать переводчика (имя Батюшкова не было обозначено). Столь совершенные стихи, считает он, могут принадлежать только двум из "лучших поэтов" России - "Батюшкову и молодому певцу Руслана". Колеблясь в выборе ("Кого из обоих благо-дать за подарок, одетый русской сиювности пересадкою сих душистых, прекрасных греческих цветов в русскую землю"), а-в-тор рецензии, тем не менее, делает безошибочное заключение:

"...признаемся однако же, что... по некоторым приметам, в кои не можем отнять отчета, мы склонны приписать сии переводы Батюшкову, - многие стихи напоминают его образ выражаться". Предлагая чита-телю одну из переведенных эпиграмм, рецензент обнаруживает в ней "глубокое чувство новейшей элегии, соединенное с тою живостию, тою полнотою, которыми руководствуются даже унылые произведения греков. Сие слияние составляет характер поэзии эпиграмматика Па-в-ла, характер поэзии итальянцев и итожка их, Батюшкова".

В 1820-21 гг. Жульбекер предпринял путешествие по Западной Европе, во время которого познакомился с известными литераторами Франции и Германии. Рассказывая в путевых заметках о встрече с немецким поэтом Х.А. Гилде, он заметил, что "должен был перевезти для него несколько стихотворений Батюшкова и Пушкина; он хочет их переложить и поместить в журнале..." ("Путешествие", письмо ХУТ от 20 октября/1 ноября 1820). Посетив картинную галерею, Жульбекер любовался картиною Имико Рени "Афродита", на которой бо-гinya наслаждения изображена вместе с сыном, - и при этом воспомина-

ет стих Батышкова: "Кирилла и Эрот, мучители сердец!.." На пограничном мосту, разделяющем Германию и Францию, ему вспоминается "Переход через Рейн": "...зеленые воды Рейна шумели у ног наших; утро было ясно, тепло и тихо; отзвуки прекрасного стихотворения Батышкова... отпалили в глубине души мост". (Заметил, что Пушкин также считал "переход через Рейн" "лучшей элегией" Батышкова). Еще однажды на страницах "Путешествия" упомянуто имя поэта - в письме из Ниццы (24 февраля/6 марта 1821) автор, повествуя о своем времяпрепровождении, сообщает, что по вечерам он "перечитывает сотни раз Батышкова, Дмитриева, Державина..."

Проходит несколько лет - и отношение Кюхельбекера к недавнему кумиру меняется. Это связано с изменением литературно-эстетических позиций самого декабристского поэта и критика, происшедшим под влиянием А.С.Грибоедова (с которым Кюхельбекер облизился в 1821-22 гг. на Кавказе), который был литературным противником Батышкова и элегической поэзии вообще. "Переоценка ценностей" с наибольшей остротой сказалась в статьях Кюхельбекера, выступавшего против романтиков "карамзинского" ориентации. Доказывая, что элегии и послания изжили себя и ратуя за приоритет одического жанра, критик утверждал, что "вина" за полтрагический дух русской словесности ложится на Жуковского и Батышкова, этих, по его мнению, "мнимых романтиков".

В статье "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие" (1824) Кюхельбекер пишет: "Батышков взял себе в образец двух писателей французской словесности - Шампи и Мильвуа. Жуковский и Батышков на время стали корифеями наших стихотворцев и особенно той школы, которую ныне выдают нам за романтическую". Однако несмотря на категоричность суждений, Кюхельбекер вовсе не отказывал этим поэтам в таланте. В статье "Разговор с Булгариным" (1824) он называл Жуковского и Батышкова "великими писателями, делающими честь нашему веку".

Несколько упоминаний о Батышкове содержат "Дневник", который Кюхельбекер вел в период крепостного заключения и ссылки. Декабрист, перечитывая старые номера журнала "Сын Отечества", отмечает, что с большим удовольствием прочел статью Батышкова "Письмо к И.М.М.-А. о сочинениях Г.Муравьева, изданных по его кончине", а другая его работа - "Нечто о морали, основанной на философии и религии" - вообще "принадлежит к лучшим в оем роде на

русском языке". Хотя и не все в этой статье нравится Юхельбекеру (например, слишком строг, по его мнению, приговор Батюшкова Ж.Ж.Руссо), он отмечает ее несомненные достоинства.

В дневничковой записи от 26 апреля 1834 г. Батюшкову посвящен целый абзац: "Fiat justitia et pereat mundus! (Да свершится справедливость и да погибнет мир! /лат./) Хотя и жаль, а должно же, наконец, сказать, что Батюшков вовсе не заслуживает громких похвал за "Умиравшего Тасса", какими кадили ему за это стихотворение, когда он еще здравствовал. И какими еще и поныне, например в "Телеграфе", кадят за оное его памяти. "Умиравший Тасс" - перевод с французского; подлинники охотники могут отыскать в французском "Альманахе муз" 90-х годов; автор - женщина".

Это указание Юхельбекера проверялось "охотниками" - но французский оригинал "Умиравшего Тасса" отыскан не был. В архиве декабриста сохранилась записанная прозой часть французского перевода элегии Батюшкова (не есть ли это отрывок из ненайденного французского оригинала?) Случайность ли это? Или память подвела Юхельбекера? Однозначного ответа пока нет, но есть авторитетное суждение Пушкина (которое, возможно, было подсказано тем же Юхельбекером), - запись на полях 2-й части "Спотов..." Батюшкова: "Эта элегия, конечно, ниже своей славы. Я не видал элегии, давшей Батюшкову повод к своему стихотворению, но сравните "Сетования Тасса" поэта Байрона с сим трюм произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия, ничего не видно. Это - умирающий Василий Львович, а не Торквато" (Пушкин, ПСС, т. 12, с. 283).

Творчество Батюшкова - явление незаурядное в русской словесности первой четверти XIX в. И ценность его заключается не только в художественных творениях поэта, но и в их соотносительности с проблемами русской культуры. Избирательное восприятие его творчества современниками, полярность оценок, эволюция критических суждений - все это позволяет глубже проникнуть в сущность русского литературного и культурного процесса.

И.Д.Савкина

ФУНКЦИИ СЫВЕРНОЙ ТЕМЫ В ПОЭМЕ Ф.Н.ГЛИНКИ "КАРЕЛИЯ"

Активный деятель раннедекабристских организации Ф.Н.Глинка в 1826 г. был сослан под надзор тайной полиции в Петрозаводск, где

кроме множества лирических стихотворений написал две поэмы - "Дева карельских лесов" и "Карелия".

"Писательное стихотворение" "Карелия или Заточение Марфы Ивановны Романовой" представляет собой своеобразный вариант русской романтической поэмы. Одним из "ключей" к изучению произведения может быть рассмотрение северной темы в поэме. Некоторые существенные наблюдения по этому вопросу сделаны В.Г.Базановым, но сама проблема заслуживает дальнейшего специальной разработки.

"Карелия" открывается прологом, который становится своеобразной лирической увертюрой. В описании экзотической карельской природы намечены лейтмотивные темы, основные поэтические оппозиции: "Карелия (Север) - Европа", "пустыня, немая глушь" - "цивилизация, блеск культуры". С другой стороны, эти антиподы имеют и другую, руссоистскую трактовку: "естественный, первозданный край" - "суетность города". Кроме того, в прологе подчеркнута величественность, грандиозность дикой северной красоты (здесь очевидны reminiscences из поэзии ХУШ в.). Названные темы получают развитие в двух основных фабульных линиях поэмы.

История затвора, ссылки в карельскую глушь Марфы Романовой и ее спасения с помощью чистых душой "сынов природы" (крестьянин карел Никанор и его дочь сказительница Маша) изложены очень кратко. Этнографические подробности жизни карел, обращение к фольклору (четыре сказки о богатыре Заонеге) развивают тему чистых, праведных душ. Недаром машины сказки прерваны авторским отступлением о журнальном возне, о суетности светской жизни и т.п.

Историческая линия фабульно связана с рассказом о судьбе монаха-отшельника, где наиболее очевидно обнаруживается связь с традицией романтической поэмы. Необычный герой, трагическая любовь, восточная экзотика, изгнание и бегство - все это достаточно знакомые романтические мотивы (В.Г.Базанов отмечает заимствования из "Гура" Байрона). Тема Севера, Карелии здесь приобретает символический смысл. В странствиях герой представляется библейские страны света и спасения. Карельская пустыня, в которой заканчивается его путешествие, становится для него и местом изгнания, и добровольно выбранным местом уединения и аскезы.

В описаниях Карелии (в 3-й и особенно в 4-й части) на первый план выходят тема диком, величественной красоты, библейской первозданности. И в проблематике, и в поэтике здесь ощутима связь

о поэзии Г.Р.Держанина и непосредственно — о его карельской олод "Водопад". Такого рода пейзаж предваряет и сопровождает пророческие, философско=религиозные монологи монаха, заставляющие вспомнить об излюбленном Глинкой жанре элегических переложений псалмов и библейских пророчеств. Дар видеть и высказать истину дается монаху лишь тогда, когда "в стране лесной, в глуши пустынной" он становится младенчески чист душой.

Поэма Ф.Глинки завершается традиционными для русской романтической поэмы на местном материале примечаниями, которые выполняют научно=просветительскую функцию, становясь, по выражению В.Г.Базанова, "маленькой энциклопедией и путеводителем по Карелии".

Е.А.Сурков

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

И КОНФЛИКТ С МИРОМ В ЖИЗНИ Н.В.ГОГОЛЯ КОНЦА 1820-х гг.

Тема Петербурга, северной столицы России, стала одной из основных в творчестве Гоголя. Но если к Петербургу в творчестве писателя исследователи обращались не раз, то Петербург как реальность особого типа в сознании молодого Гоголя, влиявшая на его взгляды, а затем определявшая их перестройку, — не был еще, насколько нам известно, предметом специального рассмотрения.

В литературоведении прочно утвердилось мнение, что Петербург в восприятии Гоголя — это "город зла" (Г.А.Гуковский, М.Б.Храпченко, С.И.Машинский, Г.М.Фришлендер и т.д.). Однако при этом нельзя не учитывать тот факт, что прежде, чем прийти к такому взгляду на Петербург, Гоголю пришлось пережить существенную эволюцию.

Петербург для Гоголя "нежинского периода" был средоточием его высоких помыслов и мечтаний. И если для Гоголя начала 1830-х гг. характерна художественно=идеологическая оппозиция "Украина — Петербург", где Украина олицетворяет норму человеческого бытия, а Петербург — ее искажение и попрание, то для Гоголя конца 1820-х гг. эта оппозиция прямо противоположна (см. письма Гоголя этого периода к М.И.Гоголю, Г.И.Исидорку, П.И.Косяровскому и др.) Все это требует объяснения.

Мировосприятие Гоголя "нежинского периода" было преимущественно романтическим. Отражением его стала илидия "Танц Кухельгартен", в которой выразилось не только романтическое мировосприя-

тие писателя, но и реальное поведение юности. Тот тип личности, который был изображен в идиллии, оказывался личностью образующим и для самого Гоголя. Происходило очень тесное сближение эстетической и неэстетической реальности, когда действительная жизнь строилась как бы по законам эстетически организованного сюжета романтического типа. Письма Гоголя 1827 г. показывают, что в его восприятии, мыслях, мироощущении определяющим началом становился романтически-личностный канон, определивший, в частности, и первоначальное восприятие Петербурга: реальный облик города оказывался слит с его идеальной сущностью (подобно тому, как мысли и чувства самого юности были слиты с идеальными помыслами романтического героя). В результате этого осознания Петербург превращался в символ неограниченных возможностей и самых радужных надежд. В романтической оппозиции заземленному окружающему Гоголю миру место высокой мечты занимал Петербург и жизнь в нем, а место "низкой" действительности — Нежин.

В конце декабря 1828 г. Гоголь, наконец, прибывает в долгождан- ный Петербург — и уже первые впечатления переворачивают его бы- лые представления. Происходит сближение прежних оценок, дававших- ся нежинским "существователям", с теми оценками, которые теперь даются Гоголем Петербургу и петербуржцам. Гоголь переживает широ- ко известную в литературе ситуацию: столкновение романтической мечты и реальной действительности.

До сих пор не нашел удовлетворительного объяснения важный факт ранней биографии Гоголя — его поездка в Германию (июль — сентябрь 1829). Почему именно в Германию? Почему так неожиданно? Дело в том, что Германия в сознании Гоголя конца 1820-х гг. была страной "идеального Шиллера", страной "романтиков". Поэтому бегство в Германию было вполне логичным для писателя: оно было необходимо прежде всего как своеобразная морально-эстетическая компенсация за те разочарования в собственных романтических иллюзиях, которые принесло столкновение с реальной действительностью Петербурга.

Реальными фактами своей биографии Гоголь предвосхитил широко распространенную в русской литературе 1840-х гг. конфликтную си- туацию: переезд юности=романтика из провинции в Петербург (символ романтических надежд) — затем столкновение с реальным Петербургом. В творчестве Гоголя этот тип конфликта оказался снятым самым стол- кновением писателя с петербургской действительностью.

"ПУТЕШЕСТВИЯ" XIX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

История говоров, в том числе и северных, разработана значительно хуже, чем их современное состояние. Между тем, есть большой пласт текстов, почти не исследованных лингвистами. Это "путешествия" - весьма распространенный жанр в литературе XVIII-XIX вв. Многие из книг этого жанра могут служить достаточно надежным лингвистическим источником, поскольку в них, как правило, точно указан и путь, проделанный автором, и время, когда это происходило.

Весьма ценные материалы содержатся в "Дорожном дневнике" М.П. Погодина (ж.: "Москвитинич", 1841-43) и в книге С.П.Шевырева "Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь..." (М., 1850). Их путешествия происходили почти в одно время: Погодин предпринял поездку на Русский Север в 1841 г., Шевырев - в свои "вакационные дни" 1847 г. Маршруты путешествий также близки: оба они побывали в Вологде, Кубенском, Кириллове, Белозерске. Кроме того, Погодин был еще в Галиче и Костроме, а Шевырев - в Шексне, Череповце, Ярославле, Ярославле.

В описаниях этих путешествий зафиксировано большое количество диалектизмов и этнографизмов (с точным указанием местности). Так, Шевырев записывает ряд названия головных уборов: ермолке (мужской головной убор, Ярославль), чебак, сборничек (женские головные уборы, Кубенское). В Череповце его привлекали названия сафранов: стемелник, маренник. Иногда материалы Погодина и Шевырева дополняют друг друга: первый дает белозерское название пень на волнах: белый; второй - белозерское же слово с тем же значением: баран. В некоторых случаях авторы приводят такие диалектные слова, которые отсутствуют в большинстве современных словарей, например, глагол отрыгнуть (отплыть в другую сторону от мели, Ярославль). Это слово зафиксировано В.И.Далем, с пометой болж., но с другим значением (отнести тече́нием с су́ном).

М.П.Погодин записывает в Галиче слово завара (отруби, сваренные в воде с солью). Близкое значение дано и в Словаре 1867 г. (заварка, хлебная или кормовая, на кипятке приготовленная); есть это существительное и в Словаре Даля (рытц.: крутая каша из крупно смолотси ржи; нх.: зеленая каша из недозрелой ржи; рыз.: кашница, ра-

змазня, завариха, саламата; муга, . закладка). Таким образом, в языке XIX в. слово зава́ра имело довольно большой круг значений и было широко распространено. Встречается оно и сейчас, в частности, в Череповецком районе Вологодской обл. в разных значениях: каша из ячневой муки (д. Роши), густая масса из муки для окста (д. Дюрки), блин из рженой муки с растительным маслом (д. Пантелеймоновское).

Беседа — сбор для коллективного чтения книги. Это значение С. П. Шевырев фиксирует в Грязовце. Такое значение нигде больше не отмечено. В современных говорах это слово чаще всего имеет иное значение: вечеринка, на которую собираются дедушки и парни, которые приносят свое угощение. Сейчас в ряде мест Вологодской области слово беседа и в этом значении ушло, видимо, из активного словаря. В ряде мест используется его синоним посиделки (Шексна, Устюжна, деревни Череповецкого р-на).

Есть у Шевырева и белозерские названия кос: горбуша, стойка. Автор так объясняет причину распространенности горбуш: "они считаются удобными по причине колючести почвы". То же объяснение находим у Дзяля, который указывает, что оба слова употребляются на Севере и в Сибири. Слово паталянки (чулки), зафиксированное Шевыревым в Череповце, употребляется и сейчас с иным значением (чулки без ступни): д. Ново-Белозерского р-на, д. Красное Кадуйского р-на. С этим же значением встречается слово паталята (д. Игнатиево Череповецкого р-на, д. Ужбико Шекснинского р-на) и паталяночек (д. Митрино Чагодощенского р-на).

Отметил Шевырев и слово дубуец (кубеник), объяснив его следующим образом: "избы отличаются особым устройством. Под печными ползатыми все место пустое: оно соединяется со всем нижним этажом, в котором хранят съестные припасы, скотину, мелкую муку зымоу, эта часть называется дубуец". В словарях это слово объясняется по-иному: сруб с крышей, деревянный помост над входом в подполье для лежания и для выхода на печь и на полаты, полаты, подполье. Судя по описанию Шевырева, имеется в виду такая изба, нижняя часть которой высока, а пол жилого помещения высоко над землей.

Интерес представляет и ряд других слов. Так, в Кубенском авторы записывают слова прядка (веревка, полка для белья), ноposti (рыбе мечет икру), саженка (род нарукавников), отлекиза (краштива), скелота (хлопоты), чулан (кухня).

ряде случаев авторы путешествий дополняют эти сведения замечаниями о фонетических особенностях говора. Так, Шевурев отмечает наличие цоканья вокруг Череповца: для цовошь (для чего), цорьяк заскользнет, покаяй. Это данные подтверждает М.К. Герасимов (Словарь уезжного череповецкого говора, 1910). Твердое цоканье по его наблюдениям, "чаще всего встречается в Заболотском приходе Дмитриевской волости, в Николо-Раменском и Баучском приходах Горской волости, в Морозком и Муравьевском приходах, в Хотовицком приходе. Кроме того, имеются образцы и мягкого цоканья, характерные для северных волостей, в том числе и Андогской". Наряду с этим Шевурев отмечает и случаи цоканья: отъичу, куричу, чону. Начальный согласный звук "в" переходит в "у": унук, улова; "хв" произносится как "ф": афрала (хорала). На месте древнерусского "ять" под ударением - звук "я": хлиб, стно, миояц. В районе Череповца Шевурев зафиксировал и некоторые морфологические формы, безусловно, представлявшие интерес, например, 2 лицо ед.ч. настоящего и будущего времени глагола: врѣ (врешь), продасѣ (процашь).

Таким образом, материалы "путешествий" оказываются весьма серьезным источником для исторической диалектологии: они дают дополнительные сведения для истории того или иного говора. Часто такие, которые отсутствуют или мало представлены в словарях.

Ю.П. Фесенко

РУССКИЙ СЕВЕР В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ

Выдающийся знаток фольклора и народного быта В.И. Даль (1801 - 1872) неоднократно обращался к изучению и изображению жизни Русского Севера. Его словарь, который в равной степени является выдающимся лексикографическим и художественным произведением, буквально пестрит указаниями на Архангельский, Вологодский, Новгородский и Смоленский края. В статье "О наречиях русского языка" (1852) большое внимание уделено характеристике северного наречия, в том числе и череповецкого говора.

Конечно же, основным источником сведений о Русском Севере для Даля был сам русский народ. К тому же у Даля имелись и корреспонденты. Так, капитан над Архангельским портом П.Ф. Кузмишев в письмах к Далю от 5 декабря 1848 г. и 18 марта 1849 г. сообщал о посылке двух тетрадей с текстами архангельских песен; причем, вто-

рая тетрадь принадлежала инспектору местной гимназии И.А.Рикольскому (см.: Савва В.И. П.Ф.Кузмищев, корреспондент Р.И.Даль.- Киев, 1908, с.42-44). Надо полагать, таких корреспондентов было немало. Поэтому вполне естественно в рассказе Дalia "Две быльи" возникает записанный в Архангельской губернии сюжет об Иване Грозном. Разорение Новгорода объяснено тут происками литовцев, подкупивших бояр с целью захвата Москвы. Узнав об обмане, Иван Грозный освободил Москву, казнил "прожженных бояр", а "засаженных в темницы новгородцев всех приказал выпустить на свободу" (Даль В.И. Полн.собр.соч.- СПб.-М., 1898, т.7, с.12-15). Безусловно, в подобном понимании действия Ивана Грозного отразилась народная вера в "хорошего" царя.

Интерес Дalia к отображению истории в фольклоре не был случайным. Это постоянно беспокоило преобладание лирического начала в ущерб историческому преданию. Восполняя этот пробел, Даль в рассказе "Ухитков с товарищами" из "Матросских досудов" (1853) говорит о мужестве и находчивости русских людей, оказавшихся в 1743 г. в плену случая на необитаемом острове в Северном Ледовитом океане (ПС, т.6, с.412-414). В рассказе "Больные моряк Герасимов" повествуется о том, как в 1810 г. был захвачен англичанами русский торговый корабль. Смелка и выдержка помогла русским матросам освободиться. Кстати, это же событие легло в основу повести А.А.Бестужева-Марлинского "Мореход Фикитин" (1834). Но если Марлинский беллетризирует изображаемое, то Даль ограничивается передачей немудреного повествования Матвея Герасимова (см. там же, с.392-394). Марлинский только декларирует сочувствие к простонародному; у Дalia простонародное пронизывает все содержательные и формальные аспекты произведения.

Даль избегал идеализации крестьянской жизни. Изображение положительного у него сочеталось с показом отрицательного. При этом писатель прозрачно намекал на то, что именно отсутствие крепостного права на Севере стало надежным залогом благосостояния края. Например, рассказ "Бороженка" начинается так: "Известное дело, что чем далее у нас пойдете на Север, тем зажиточнее находите мужиков, и тем более опрятности и роскоши найдете в образе их жизни"; "а если вы заглянете на Колу, то, конечно, изумитесь обилию и даже прямой роскоши" (ПС, т.8, с.119). Само же событие, описанное в рассказе, происходит в одиозном селении за Чердылью. Сюда за-

ходит возвращающаяся с ярмарки цыганка. Она обманывает страдающую бесплодием крестьянку и похищает из избы все ценности. Однако и Марья, и ее муж не долго печалятся о потере, тем более, что вскоре Марья рождает сына. Даль подчеркивает замечательные качества крестьянки: доброту, бескорыстие, человеколюбие. Сочувствуя ее вполне извинительному суеверию, односельчане пытаются отыскать пропажу, но безуспешно. В этом контексте резким обвинением бюрократическому аппарату звучит милостливое замечание: "заявили начальству, — тем, разумеется, дело и кончилось" (там же, с. 126). Не случайно впечатанный в "Москвитяйине" (1848, № 10) рассказ вызвал цензурные преследования.

Даль воспринимает северное крестьянство не просто как класс, но как своеобразный этнос, живущий по своим законам и, главное — способный к обновлению. Поэтому он не навязывает никаких рекомендаций. Изображая, например, народное пьянство, он опирается на существующие поверья, в которых уже выражена негативная оценка явления. Так, рассказ "Подземное село" построен на бывальщине о том, как в олонекском Губернии чрезмерно пьющие к богохульствующим жители вместе со всей деревней провалились под землю (ИСС, т. 6, с. 330—335). В рассказе "Заумаркина могила" приведено известное в великом устье предание о пьянице, который зарезал жену, сына и сам сгорел от вина (ИСС, т. 7, с. 45—48).

Тяга народа к нравственному самоочищению особенно отчетливо выражена в рассказе "Олонекский суд". Здесь "олонецкий камешкотес" излагает трагические события, произошедшие недалеко от его деревни. Озверевшим преступник Иван буквально терроризирует односельчан. Попытки каким-либо образом уладить дело ни к чему не приводят. Когда все меры исчерпаны, его убивает из ружья родной отец. Причем, "мир в голос сказал, что принимает и грех, и ответ на себя" (ИСС, т. 8, с. 23). Возникающая перекличка с "Тарасом Бульбой" Гоголя отнюдь не случайна. Сидор Иванов, как и Тарас Бульба, воплощает в себе народную мораль и вершит суд от имени народа.

Но мысли Дали, не приращенные к новым институтам, а сам народ, опираясь на свои внутренние духовные возможности, в состоянии решить любые возникающие перед ним проблемы. Направлялся выродок о ежесекундном отношении к крестьянству, ибо разрыв экономических, культурных, правовых связей, сложившихся в нем на протяжении веков, чреват катастрофическими последствиями. Но именно это глобальное

осознание суверенности крестьянского мира, наивно опережившее свою эпоху, делало иногда уязвимой общественную позицию Давы с точки зрения его оппонентов. Мы имеем в виду прежде всего полемику о грамотности в конце 1850-х годов.

К сожалению, и не в столь отдаленные времена взгляды великого народолюбца трактовались весьма произвольно. Утверждалось, например, будто бы Давы изображал черты народного сознания, "не вдумываясь в их социальный смысл и значение", и в то же время осуждал "только такие свойства народа, которые находятся в противоречии со ~~общим~~ основным смыслом самого народа", и в то же время не видел вообще "никаких прочих моральных нри" (см.: Белова Н.М. Художественное изображение народа в русской литературе середины XIX в. - Саратов, 1969, с.34-36). Думается, однако, вопреки расхожему мнению, что Давы все-таки понимал логику исторического развития, верил в талантливость народных масс. В этом убеждает и его произведения о Русском Севере.

А.В.Чернов

А.В.ВЕРЕЩАГИН И ЕГО КНИГА "ДОМА И НА ВОЙНЕ"

Вклад семьи Верещагиных в русскую культуру остается в полном мере не оцененным и по сей день. Младший брат знаменитого мастера Николая Верещагина, великого художника Василия Верещагина, Александр Васильевич Верещагин (1850-1909) совершенно неизвестен широкому читателю. Между тем, он был прекрасный писатель и мемуарист, замечательный мастер слова, тонкий стилист, наделенный от природы острой наблюдательностью, чутким художественным восприятием мира и человека.

"Дома и на войне" (1885) - первая книга А.В.Верещагина. Сложное по жанровой природе мемуарно-очерковое произведение (во многом близкое к литературным работам В.В.Верещагина) отразило глубоко символичный и оригинальный взгляд на одну из центральных проблем своего времени: "человек и война". Лично пережитое и прочувствованное становится главным предметом изображения в книге. В ней нет широких обобщений, нет попыток подняться над событием, приблизиться к "панорамному" взгляду на войну. Обыкновенный человек представлен искренности и честно, без малейших попыток героизации, без умалчивания естественной человеческой слабости - песте-

янного страха смерти — таков создаваемый на страницах книги образ повествователя.

Эта, порой смущающая читателя, искренность, открытый взгляд на себя и окружающих позволяли писателю глубоко художественно и пронзительно показать главное — неестественность войны, несовместимость ее с общечеловеческими представлениями о ценности жизни, справедливости, достоинстве.

"На войне. Воспоминания и очерки из русско-турецкой войны 1877-1878 гг." — вторая часть книги. Первая посвящена детству (в Череповце и Череповецком крае), годам учебы. Воспоминания Александра Верещагина о семье, о взаимоотношениях между собой ее членов, о родителях — меняют ставшие привычными впечатления и на его внутрисемейном неблагополучии верещагинских, заставляют по-своему взглянуть на взаимоотношения родителей и старших детей — Николая и Василия. Становится понятным, что именно в первых годах детства в определяющей степени формировались самостоятельность и независимость, трудолюбие и бескорыстие, столь свойственные подвигнической деятельности всех братьев Верещагиных.

Александр был во многом не похож на старших братьев. Мягкий по натуре, легко поддававшийся воздействиям со стороны, он не обладал той монолитной целостностью характера, какая была присуща Николаю и Василию Верещагиным. Ему не чужды были и такие человеческие слабости, как желание упрямиться, уступчивость, излишняя мягкость (за них ему пенял в письмах Б.В. Верещагин). Видимо, положение младшего ребенка в семье, особая любовь отца и матери наложили свой отпечаток на характер Александра. Но, возможно, по тем же самым причинам герой книг А.В. Верещагина оказался глубоко человечен и сложен, неоднозначен и правдив.

Искренность и естественность героя-повествователя в книге "Дом и на войне" были высоко оценены Львом Толстым, который (в письме к Б.В. Стасову от 7 декабря 1883 г.) заметил: "Это именно тот художественный историк войны, которого не было — поэтический и правдивый... Это не художник, а лучше, — трезвый, умный и правдивый человек, который много пережил и умеет рассказать хорошо то, а только то, что он видел и чувствовал. А это ужасно редко".

После первой книги писательская деятельность А.В. Верещагина продолжалась вплоть до его трагической гибели в 1909 г. Появились одна за другой его книги "У болгар" и "За границей. 1881-1893. Вос-

воспоминания и рассказы" (1896), "Новые рассказы..." (1900), "На войне. Рассказы очевидцев. 1900-1901 гг." (1902), "По Манчжурии (1900-1901 гг.). Воспоминания и рассказы" (1903) и др.

Помимо высоких художественных достоинств, книга Александра Верещагина "Домы и на войне" становится уникальным краеведческим и историческим памятником. Она является источником интереснейших сведений о жизни Русского Севера второй половины XIX в., дворянском и крестьянском быте, о боевой и мирной жизни русской армии, содержит мастерски созданные портреты выдающихся русских военачальников.

С.Н.Митурев

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Общезвестно, что описания природы крайне редко встречаются в произведениях Достоевского.пейзаж его, как правило, городской и, по преимуществу, петербургский.

Формирование образа Петербурга у Достоевского в 1840-х гг. в значительной степени связано с традицией гоголевской прозы. Влияние Гоголя ощутимо, например, в "Петербургской летописи", где "северная столица" характеризуется как внешнеазиатское (аклектическое смешение различных национальных традиций и принадлежностей в архитектурном облике), разобщенное душой пространство, мир деформированных коммуникаций. Здесь же появляется и мотив ищущего (в оговорке о Пьеро): от него берет начало изображение Достоевским Петербурга как "фантастического", "умышленного" города, лишенного традиций и прочного исторического основания.

"Фантастичность" облика "северной столицы" впервые отчетливо проявляется в повести "Слабое сердце". Описание города начинается популярным у романтиков фантазмагорическим пейзажем ("вся необъятная, встухшая от замерзающего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась мириадами или иголкистого инея" и далее), но этот пейзаж-мирак, будучи поставлен в принципиально новый контекст, существенно переосмысливается. Образ Петербурга создается писателем на сращении двух тенденций - топонимической точности, конкретности городских реалий и одновременно "фантастичности" общей картины.

Во внешнем оформлении образа "фантастического" города широко используются мотивы северной природы — холод, мгла, туман, изморозь, дождь, тусклые краски и проч. Вместе с тем, петербургские пейзажи у Достоевского предельно субъективизированны, преломлены через призму сознания конкретных героев. Мир Петербурга раскрывается через отношение к человеку и именно в этом аспекте интересует писателя.

В петербургских пейзажах подчеркивается слабость жизненных сил северной природы, часто даже обреченность, начало умирания (это ко-во, например, сравнение с "чахоточной лаской" в "Белых ночах"). Однако мотив умирания сопрягается писателем не с образом севера вообще, а именно с петербургским пространством. Тот же герой "Белых ночей", пересекая городскую границу, попадает в совершенно иной, яркий, многоцветный, полный жизненных сил мир. Возникающая аналогия с Италией лишь обнаруживает условность оппозиции "север — юг", ее идеологический, а не географический характер.

Существенную роль в характеристике Петербурга как обращенного пространства играют солнечные мотивы. Образ "северной столицы" строится писателем по контрасту с утопическим "городом Солнца" (речь, разумеется, не об ориентации на конкретное произведение Т. Кампанеллы, а о полемической трансформации популярного в социальных утопиях образа, тесно связанного с представлением об идеальном общественном устройстве). "Косые лучи заходящего солнца" "саинцовые облака", за которыми скрывается "неяркое солнце", — подобными мотивами Достоевский густо насыщает петербургские пейзажи. Петербург Достоевского — это город уходящего солнца.

"Северная столица" превращается у Достоевского в центр "злого мира", средоточие античеловеческих, деструктивных сил, и описания городской природы все более подчиняются этой логике мышления писателя. В ранних произведениях изображения Петербурга нередко антропоморфизированы ("Петербург встал злой и сердитый, как разъяренная старая дева", "Петербург дулся"). В 1860-70-е гг. такого рода уподобления практически полностью исчезают из произведений Достоевского. дело не просто в отказе от определенного литературного приема: "расчеловечивание" образа Петербурга становится способом выявления сущностной характеристики "умышленного", отчужденного от человека пространства.

Своей кульминации эта трактовка петербургской темы достигает

в "фантастическом рассказе" "Сон смешного человека". Привычные детали облика столицы, предельно сгущенные и максимализированные приобретают здесь эсхатологическое звучание. Перед нами город без солнца, над которым разверзлись "бездонные черные пятна". Однако эсхатологическим изображением образ Петербурга не исчерпывается. Параллельно с возрождением к жизни "русского прогрессиста", "тну-сного петербуржца" и несостоявшегося самоубийцы намечается перспектива и в самой петербургской теме. Городу, погруженному в безысходную тьму в начале рассказа, в его финале противостоит город, описанный рассвета. Гуманизация безчеловечной жизни всецело связывается Достоевским с усилением нравственно возрожденного конкретного человека.

А. В. Сафронов

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
В КНИГЕ С. В. МАКСИМОВА "ГОД НА СЕВЕРЕ"

Книга Сергея Васильевича Максимова (1831-1901) "Год на Севере" представляет собой цикл очерков, написанных в результате "литературной экспедиции" писателя в Архангельскую губернию, на берега Белого моря. Молодой писатель проделал огромный путь в несколько тысяч верст. Среди людей, встреченных им, были рыбаки, оленеводы, охотники, купцы, богомольцы, священники, чиновники... Подробнейшим образом описал автор суровый край, его историю и современность, растительный и животный мир, занятия, обычаи, обряды, национальную психологию и речь его жителей. Очерки, печатавшиеся сначала в журналах "Морской оборот" и "Библиотека для чтения" (1856-1859) и объединенные затем в книгу, представили своеобразный цикл, мелким и единым.

Через картины быта, факты повседневной действительности, рассказы бывалых людей автор воссоздает обобщительный образ народа, образ многогранный и сложный. В очерках раскрывается его трудолюбие, мужество, независимый характер, чувство собственного достоинства. Запоминаются в этом отношении эпизоды охоты на морского зверя (очерк "Берега Летнии и Онежский"), описание рыбных промыслов ("Мурман"), морской путь на Карельский берег ("Карельский берег"), тяжелая зимовка на Новом Земле ("Новоземельские моржовые промыслы") и многие другие.

Срзлаваая (причем, одним из первых в русской очеркистике, параллельно о П.И.Якушкиным) обобщенный образ массы, Максимов группирует свои наблюдения над жизнью северян, делает определенные выводы о факторах, формирующих этот своеобразный тип русских людей - это близость к природе, труд с ранних лет, свободное развитие, отсутствие крепостнического угнетения.

Наряду с коллективным портретом, в книге присутствует ряд более подробно описанных героев. Это люди "северной породы", закаленные трудом и борьбой с лишениями, обладающие чувством собственного достоинства, не задавленного крепостничеством, носители типичных черт русского национального характера. Их индивидуальность выявляется, как правило, в труде, в схватках с суровой природой Севера, в их речи, выразительной и яркой, в высокой бытовой культуре. Таковы мореходы Иван Архипов ("Терокий берег Белого моря") и Егор Старков ("На шкуне"), кемский житель Демилов ("Камь"), охотники на морского зверя Антип Прокофьев и Тимсха ("Новоземельские моржовые промыслы"), мезенец Гаврило Васильич ("Белое море и его побережья"), политический ссыльный Евсений Осипович Палавандов ("Печорский князь").

Народные характеры, вызывающие симпатию, удивляющие своей самостоятельностью, внутренней силой, одаренностью, Максимов находит и в легендах, в преданиях. Драму творческой личности испытывает безымянный строитель Воскресенского собора ("Кола"). Кормщик Антип Панов отстаивает свое личное и профессиональное достоинство перед самим Петром Первым ("От Сумы до Онеги"). Легенда о новгородском вечевом колоколе рисует поморов наследниками богатой культуры Новгородской республики. Дух мятежности, непокорства, несомненно-сти воплощен в предании об Адыакуме Петрове, знаменитом деятеле русского раскола ("Пустозерск").

Важным средством создания образа в "Года на Севере" становится предельно лаконичный портрет, характеризующий не столько индивидуальность героя, сколько принадлежность его к определенной социальной среде: героям Максимова часто недостает индивидуально-психологических черт.

Более значительную роль в обрисовке внутреннего мира, душевного склада, психологии даже второстепенных персонажей отводит Максимов речевой характеристике, умело передавая характер человека двумя-тремя фразами. В речь персонажей часто включаются пословицы -

цы и поговорки, различные меткие выражения, характеризующие острый ум и "практическую философию" северян, рожденные их образом жизни.

Критики-современники отмечали, что особенную привлекательность книге придает образ автора - патриота, гуманиста, высокообразованного человека, замечательного рассказчика, выразителя передовых идей. В анализируемых очерках отразилось глубокое знание писателем народной жизни, понимание ее сокровенного смысла. Талант повествователя, умелое владение богатствами языка помогли ему создать коллективный портрет жителей северного края. Реалистически изображенные персонажи, наделенные яркими и типическими чертами, воплотили в себе важнейшие стороны русского национального характера: трудолюбие, мужество, доброту и честность. Главный герой максимовских книг - "обновленный русский мужик, хранитель созданной им же самим великой русской культуры, который всегда и везде остается верен ее ценностям" (В.Гуминский).

Книга С.В.Максимова была значительным шагом вперед в русской народоведческой литературе. Она рисовала не отдельные факты и эпизоды, а образ жизни огромного края. Ей присуща социальная значимость, гражданский пафос, антикрепостническая и антибуржуазная направленность. Получили освещение многие, ранее неизвестные, стороны народной жизни, черты быта и нравов жителей Архангельской губернии сложились в цельную картину приобрели характер типических обобщений, отразили существенные черты всей русской действительности.

В.И.Мельник ВОЛОГОДСКИЙ ПЕРСОНАЖ В РАССКАЗЕ К.М.СТАНКОВИЧА

Выдающийся писатель-маринист К.М.Станкович не был знатоком Русского Севера и не выделял этой темы в своем творчестве. Однако есть у него произведение, в котором главным героем является матрос - выходец из крестьян Вологодской губернии. Причем, выбор места рождения персонажа отнюдь не случаен. Речь идет о рассказе "Первогодок".

Рассказ этот невелик по объему, сюжет его весьма прост. Егор Певцов обучается матросскому делу в Кронштакте. Он не может привыкнуть к жестоким порядкам, царящим на флоте, к мордобой

унтер=офицеръ. В его сердце закрывается страх перед морем, которого он раньше никогда не видел и которое представляется ему средоточием штормов и ураганов. Воспитанный в совершенно иной обстановке, он постоянно вспоминает свою вологодскую деревню, лес: "он сделался матросом, никогда в жизни не видавшим не только моря, но даже и озера. Видел он только маленькую речонку Рыпь, протекавшую у деревни" И далее: "Его манил к себе густой старый лес...", "Его манили поля... манила деревня с черными покосившимися избушками...". После одного из жестоких побоев, испытывая на себе тяжелый кулак унтер=офицера Захарыча, Егор Певцов надушил бежать. Он меняет шинель на старый армяк и через море по льду, с заветным рублем, принесенным еще из деревни, идет в Ораниенбаум. Но по дороге встречает того самого Захарыча, от которого бежал... Узнав о замысле матроса, о причине побега, Захарыч смягчается, добывает матросу шинель, прекращает посол и помогает Певцову стать "форменным матросом".

Само название рассказа - "Первогодок" - показывает, что Станькович ставил целью показать формирование "морской души" из оемой типу ной "деревни" ("Из этой деревни хороший матросовой выйдет!"). Процесс привыкания к морю показан в двух планах: природном и социальном. Станькович любит море и моряков, но абсолютно не принимает крепостнического уклада на флоте. Отсюда поэтизация становления "морской души", изображение товарищеской помощи, преодоления страха перед стихией. И отсюда же драматический план изображения социальной стороны конфликта ("Унтер=офицер Захарыч... не стличался большим терпением и, сам выученный далеко не ласково, жон оил, что без боя "никак невозможно обломать деревенщину"). Социальный план изображения придает рассказу сюжетную динамику. Именно здесь совершаются главные превращения героев, свидетельствующие о необходимости изменения в обществе.

Для того же, чтобы показать психологию "первогодка" на флоте, представить ее в динамике, Станькович должен был выбрать в героя рассказа такого человека, который бы представлял, с точки зрения флотской, совершенно "необработанный" материал. Поэтому героем становится выходец из вологодских крестьян, представитель наиболее "глухих", "патриархальных" мест России. Таким путем достигалась прежде всего необходимая контрастность, придававшая рассказу драматизм.

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ И. АННЕНСКОГО О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ РУССКОГО СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА

Имя русского поэта Иннокентия Анненского связывается в нашем сознании в первую очередь с символизмом, классической античной трагедией и французской поэзией, которые он перевел и изучал в русской классике, которая, в основном, посвящена его "Книги отражений". Между тем, библиографию литературоведческих работ поэта открывает его малоизвестная статья "Из наблюдений над языком и поэзией русского Севера", опубликованная в "Сборнике статей по славистике, посвященном профессору петербургского университета Б.И. Даманскому (1883)". В эту раннюю статью вошли "наблюдения семасиологические и лексические в сфере поэзии Русского Севера" (на материале книг Рыбникова, Гольфердинга, Барсова).

Методика анализа, использованная в статье, традиционна для русской славистики XIX в.; ею же Анненский пользуется позднее в своих статьях, посвященных творчеству А. Майкова и К. Бальмонта.

Характерно, что из широкого круга явлений действительности, отраженных в народной поэзии, Анненский ограничивается "областью явлений тепла и холода, поскольку эти явления отразились в языке и поэзии Русского Севера". Как показывает анализ ранних стихотворений самого Анненского, эта "область явлений" особенно актуальна и для его лирики. Причем, большинство приемов, отмеченных исследователем в народной поэзии, находит соответствие в его собственном творчестве. Кстати, с этой же группы явлений Анненский начинает и "семасиологический" анализ лирики Бальмонта.

По свидетельству Б. Нарке, Анненский "предполагал вернуться к изучению народных песен в последние годы жизни". Это еще раз подтверждает неслучайный характер появления ранней статьи поэта, ее органичную "вписанность" в контекст его творчества - и исследовательского, и лирического.

"Этот "европеец"... глубоко чувствовал эту русскую "деревню", чувствовал точно и остро, умел здесь и видеть, и слышать так, как немногие русские поэты... Сложная и многогранная душа Иннокентия Анненского все же была именно русской душой, всеми тончайшими нитями своими связанной со своей родиной, которую он любил берной, трогательной и скорбной любовью" (В. Кривич).

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА ВЕКА

О Игорь, мой единственный,
 Читанный трубадур!
 Долою я твой таинственный
 Лирический ажур.

Так написал своему преданному ученику в феврале 1911 г. (т.е. еще до выхода "Громоглаголющего кубка") К.М. Фофанов. Название мадригала ("Музыка без слов"), "читанный трубадур", "лирический ажур" — это как бы из самого Северянина. Важнее обратить внимание на слово "таинственный".

"Таинственным" Игорь-Северянин оказался и для современной ему критики, и во многом остается таковым по сих пор. У искушенного читателя появление его стихов вызвало удивление в сочетании с некоторой настороженной покровительственностью. У большей части критики Северянин (не только стихи, но и он сам) вызвал растерянность, недоумение, раздражение; диапазон оценок, разброс мнений были очень большими. Итогом восприятия И. Северянина современниками стал сборник "Критика о творчестве Игоря Северянина" (М., 1916) — издание само по себе беспрецедентное. В слюте С. Боброва, имеющей целью "предоставить читателю в некотором хронологическом порядке историю отношения Северянина к критике" (с. 6), автору пришлось подсчитывать, сколько раз и какого рода критики порицали Северянина и сколько раз хвалили. Из этих подсчетов не стало понятно место поэта в современной литературе: "определения места И.С.... с точки зрения теории словесности все это чрезвычайно интересно" (Сем. Рубанович, с. 62).

После выхода указанного сборника прошло много лет, но из того немногого, что написано об И. Северянине, мало что прояснилось, и вопрос о месте поэта "в литературе российской с точки зрения теории словесности" остается открытым. И. Северянин — единственный поэт, который в разное время разными критиками, исследователями и авторами учебников был включен во все литературные течения и направления начала века — от предсимволизма до постсимволизма.

Литерическую генеалогию Северянина (к чему дал основания сам поэт) связывали с предсимволизмом: Фофанов, М. Духовная его любимые поэты; назывался Случевский, Апухтин, Надсон (С. Бобров).

Творчество Северянина — подновленное декаденство 90-х гг. (З. Гиппиус), Северянин — эпитон К. Бальмонта (М. Л. Гаспаров). Основания: индивидуализм, самообожествление, культ самодомлеющей личности, культ красоты, понимаемой как внеморальная ценность ("я славолюбно восторженно Христа и Антихриста..."), преобразование мира в эстетическую конструкцию, "творящую легенду" (Миррелия — нечто подобное Звезде Маир).

С младосимволистами Северянина связывают некоторые мотивы, например, "мещанской прамы" (С. Бобров), "восхождения", мифологические мотивы борьбы Хаоса и Космоса в "Трагедии Титана", магия музыки и "певческая сила" его стихов (К. Чуковский).

К акмеистам относит И. Северянина автор вузовского учебника А. И. Соколов. Действительно, с акмеистами роднит поэта стремление к точности реалии, предметности ("Поэза спичечного коробка"), тоска по культуре, с непременно Эллисом:

Нечтоликом прохладой
Туда, где крапчатая лосось,
Где чайка взрела эллидой,
Зякусь я в моревую сивозь.

Для зрителей и читателей, не очень искушенных в ответвлениях русского футуризма, Северянин был футуристом. Он принимал участие в гастрольных поездках и выступлениях футуристов, "придумал" эго-футуризм. "Северянин мобилизует своими аккордами мировые полнотности" (И. Игнатьев). Но очень скоро счел эгофутуристическую программу проигранным для себя этапом, заявив об этом в стихотворной листовке "Эпизод эго-футурчизма" (октябрь 1912), а затем окончательно порвал с футуристами ("Поэза истребления", 1914). Футуризм Северянина заключался не в словотворчество, как думали многие, а в характерной игре в теннис, провозвестников будущего.

Что это? Замечательная поэтическая восприимчивость, "дар перевоплощения" (Брюсов) или беззастенчивая подражательность? Назвал же Северянина в разгромной статье о нем А. Амфитеатров "гением подражательности". К тому же и современников, и последующих читателей не покидало ощущение, что все серьезные, выстраданные темы русского символизма и постсимволизма Северянина снизил, опростил и даже опошлил. То, что было доступно немногим, стало достоянием всех: "Пора популяризировать языки...", "Поешь деликатно, площадь: придется товар по душе".

Не принимая участия в создании миросозерцания и поэтики ни одной поэтической группировки своего времени, Северянин очень легко принял и ассимилировал их все, и не как эпигон, а чувствуя и понимая зерно каждой. Более того, так же легко он делал иногда то, к чему эти течения стремились, но у них не получалось: попытки создания эпоса символистами, тяга к скетчному повествованию у акмеистов. Естественный песенный дар сочетался у него с талантом рассказчика, что органично реализовалось Северянином в трилогии его автобиографических поэм и в "Ронде Леандра", явно ориентированном на "Деления Онегина" и роман в стихах.

И символисты, и постсимволисты стремились, как и недостающему идеалу, к младенческой ясности, свежести и наивности: мучительные поиски в этом направлении Блока, мифологические вариации Городецкого, аллаизм, стремление к первозданности акмеистов, освящение эстетики примитива футуристами. Северянин поражал и раздражал именно своим обескураживающим наивностью и простодушьем. Обыкновения в безвкусице, неотчетливости поэтического пути и понимания назначения поэта (Блок), в потакании дурным вкусам его совершенно не трогали. "Дурном вкус" входил в поэтическое задание как неизбежный элемент демократизации и эстрадизации поэзии: "Он в каждой песне, им от сердца слетой, / Иронизирующее дитя..."

Бряд ли стоит безоговорочно верить этой самохарактеристике поэта. Ирония И. Северянина сильно преувеличивается: дело трактуется таким образом, что вся его роскошная галантерейно-парфюмерная экзотика не более, чем ирония. Нет, и здесь поэзия Северянина близка к русской поэзии начала века с ее экстатической серьезностью и почти полной невосприимчивостью к смеховой культуре, если не иметь в виду так называемую романтическую, трансцендентальную иронию.

Современники отмечали у Северянина "способность рисовать, что видит" (Брюсов), тяготение к "описательности" (Гиппиус). Особенно это относится к северянинским описаниям природы, достигавшим в лучших стихах поэта редкой точности и выразительности, неслучайной ни мистическими, ни культурологическими, ни какими другими ассоциациями и аллюзиями. Однако читатели замечают у Северянина прежде всего "изячие" вещи: всякого рода кабриолеты, ландо, шале, грезерок и эксцессерок. При этом не замечается механизм появления этой "изячности", который поэт, кстати, и не открывает.

Обыкновенную маленькую дачу можно назвать "шалом", деревенского мужика — "поселенником", а севши на извозчика, вообразить себя в "комфортабельной карете на эллиптических рессорах"...

Игорь Северянин — поэт промежуточный между "классиком" и "авангардом". Авангард, усвоив художественные идеи и формы предшествующего искусства, затем разрушает его и из обломков старого искусства пытается создать новый язык. Северянин, повторив путь русской поэзии начала века и многое усвоив в ней, не разрушает ее окончательно, а снижает, трагедизирует, и на этой основе создает свое видение мира и свои поэтические формы.

"Северянинская" ветвь не исчезает в русской поэзии XX века: рефлексы ее появляются в разное время и в разных стилях — от чисто эстрадной, развлекательной поэзии до построенной на интеллектуальной игре поэзии обернутой или современных "метаметафоризмов" и "концептуалистов".

О.В.Фелапина

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ПЕРИОД

Череповецкий период И. Северянина охватывает его отроческие годы: 1896—1903. Об этой важной поре его жизни и духовного развития известно очень мало. В настоящем докладе используются новые материалы, переданные И.В. Школенко, воспоминания выпускника Череповецкого реального училища П. Смирнова, письма.

Тем, что Игорь Дотарев, уроженец Петербурга, оказавшись на череповецкой земле и прожил здесь около 7 лет, мы обязаны его отцу, Василию Петровичу Дотареву. В поэме "Роса оранжевого часа" сын-поэт так характеризует отца:

Великолепнейший лингвист,
И образован, и воспитан,
Он был умен, он был начитан...

Образование В.П. Дотарев получил в одном из пансионов Г.Ревеля и в военном учебном заведении в Петербурге. Служив в отставку в чине штабс-капитана, он уехал с сыном в деревню, в Новгородскую губернию, где жили его сестра Е.П. Курова, владелица картонного завода на реке Амгоге, и брат М.П. Дотарев, хозяин небольшого имения на Суде. Так из Петербурга девятилетний мальчик попал в глухой лесной край, столкнулся с жизнью русской провинции.

Несомненно благотворным было влияние на него семьи дяди, Михаила Петровича Дотарева, который, в отличие от брата, был человеком сугубо штатским. Родился он 2 ноября 1854 г. в Харькове, в семье владимирского мещанина Петра Ефимовича Дотарева. Детские годы провел в семье деда по материнской линии, крестьянина Леонтия Власовича Полякова, в селе Новоселки Александровского уезда Владимирской губернии. В 1866 г. он стал воспитанником Московской практической академии коммерческих наук, затем, по желанию родителей, продолжил учебу в ревельском пансионе вместе с братом Василием. В конце 1870-х гг. М.П.Дотарев стал компаньоном Н.А.Ильковского, владельца текстильной фабрики в Москве, а в 1881 г. — женился на его дочери, Екатерине Николаевне Ильвовской, воспитаннице института благородных девиц.

Вся дальнейшая жизнь Михаила Петровича была связана, в основном, с текстильной промышленностью. Он служил директором бумагопрядильной и ткацкой фабрики Н.Гарелина в Иваново-Вознесенске (1882-1884), заведовал фабриками "Товарищества Никольской мануфактуры. Савва Морозов-сын и К^о" (1884-1891). В течение четырех лет (1892-1896) инженер-технолог М.П.Дотарев занимал должность технического директора и заведующего на фабрике "Общества бумажных мануфактур Карла Шеиблера" в Лодзи. В договоре о фирме была предусмотрена стоимость в 13 тысяч рублей. На эти деньги была куплена земля и построена усадьба Владимировки на Суле.

С 1897 г. М.П.Дотарев стал директором бумагопрядильной и ткацкой фабрик "Товарищества мануфактур Н.Н.Комшина" в Серпухове, но летние месяцы семья проводила во Владимировке. Дети (три дочери и три сына) учились в Москве, но на лето приезжали в деревню. Дом Дотаревых был очень гостеприимным: кроме близких родственников, здесь гостили многочисленные друзья. Молодежь увлекалась литературой, искусством, устраивала любительские спектакли, гризотные походы, катание на лодках, рыбалку и т.д.

В кругу этой семьи будущий поэт чувствовал себя уютно, а в одну из своих двоюродных сестер, Елизавету ("кузина Дядя", "Дядит", "тильчатая Дядя"), он был влюблен. Не мог не привлечь его внимание и двоюродный брат (сын Е.П.Еурова) Виктор Еуров, студент юридического факультета, а впоследствии — артист и режиссер milanского театра Ла Скала (псевдоним "Этторно Андога").

С 1897 по 1902 г. Игорь Дотарев учился в Череповецком реальном училище. Удалось установить три его городских адреса: 1) реальное училище, квартира директора, князя Б.А.Тенишева ("Я прожил гризетом в реальном"); 2) улица Благоевская, д.18 (дом, принадлежавший семье Миталовских, недавно разрушен); 3) дом напротив реального училища, на углу Александровского проспекта и Казначейской улицы (принадлежал Бахметьевым; также разрушен).

Математику и физику в реальном училище преподавал в те годы Ф.В.Гурьянов, глава большого семейства, хорошо известного коренным череповчанам. У его потомков сохранились воспоминания "реалиста П.Смирнова, который помнил Игоря Дотарева (его двоюродный брат Николай Бахметьев учился с Игорем в одном классе). Из этих воспоминаний мы узнаем, что в ученические годы Игорь был хорошо обеспечен материально, был выше своих сверстников по развитию, рано начал писать стихи ("О, в эти дни впервые лиру / Обрел поэт любимый ваш...") важным источником его знаний была художественная литература, которой он увлекался с детства. В Череповце он пользовался библиотекой реального училища, частными собраниями книг.

Череповецкий период жизни И.Северянина был временем накопления самых разнообразных впечатлений, жизненных, литературных, эстетических, которые во многом определили его дальнейшую судьбу.

М.Г.Рогозина

ДОМ НА СУДЕ

Настоящий доклад построен на семейных воспоминаниях и некоторых документах из домашних архивов. Автор — правнучка Михаила Петровича Дотарева, дяди Игоря-Северянина, хозяина дома на берегу реки Сулы, на котором в 1987 г. установлена мемориальная доска, посвященная поэту.

Дед поэта, Петр Ефимович Дотарев, значится в документах "владимирским мещанином". О нем известно только, что он был управляющим какого-то имения, много пил и рано умер. Его жена, Пелагея Леонтьевна, в девичестве Полякова, жила гораздо дольше мужа. Воспитывал детей дочери ее отец, Леонтий Власович Поляков, крестьянин села Новоселки Владимирской губернии Александровского уезда Андреевской волости. Детей было трое: Елизавета (род. ок. 1850 г.), Михаил (род. в 1854) и Василий (род. в 1860). Сохранилась фотография семьи,

сделанная в Москве в 1870 г.

М.П.Дотарев учился в Московском коммерческом академии, затем в Практической академии в г.Ревеле и, наконец, в Политехническом институте, после окончания которого работал инженером на текстильных фабриках в Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве и Додзи (безде - техническим директором). В 1881 г. он женился на Екатерине Николаевне Ильиной, дочери владельца московской текстильной фабрики. Ее отец, Николай Афанасьевич, незадолго перед этим разорился (после пожара в ткацкой мастерской). У Михаила и Екатерины Дотаревых было шестеро детей: Елизавета (1882), Борис (1884), Вера (1885), Николай (1887), Лилия (1889) и Владимир (1892).

В памяти семьи сохранились интересные подробности, связанные с работой М.П.Дотарева в "Обществе бумажных мануфактур Карла Шейблера" в Додзи, где он был техническим директором и заведующим. Михаил Петрович подписывал контракт на 10 лет, но был уволен до истечения срока, т.к. поставил вопрос об улучшении труда рабочих, в частности, об улучшении вентиляции в цехах. Хозяин предпочел уволить строителем директора, выплатив ему неустойку в 13 тыс. рублей. С 1 марта 1897 г. М.П.Дотарев устроился на фабрику "Новая Мыза" Николая Кошкина в Серпухове, где проработал более 10 лет, а с 1908 г. стал консультантом при правлении "Товарищества мануфактур Кошкина" в Москве.

На деньги, полученные в Додзи, был куплен участок земли в окрестностях Череповца, на берегу реки Суды. Сначала на нем был возведен небольшой одноэтажный дом с балконом (его называли "малым домом"). Недалеко там собиралось одновременно до 20 человек: сами хозяева, сестры, братья и племянники Екатерины Николаевны (у нее было 13 братьев и сестер), Кисляковы, их дальние родственники и многие другие. Семья разрасталась и пришлось строить (в 1901-1903 гг.) новый, "Большой дом", а кроме него служебные постройки: кухню, конюшню, оранжерею, кузницу и т.п. Первоначально дом был рубленый, но вскоре был обшит досками; он был очень хорошо оборудован и мог вместить всю семью, а также прислугу.

Лилия Дотарева весело, устраивала походы в окрестные леса, на реку Кемзу, на озеро Удбное, занимались косьбой, пахотой, огородничеством и садоводством. Около дома был разбит парк с клумбами и экзотическими цветами. Николай оборудовал небольшую метеостанцию и проводил наблюдения за погодой. Сохранилось много фото-

графий, где Дотаревы запечатлены на рыбалке, на велосипедах, на лыжах. На трех фотографиях можно увидеть Игоря Дотарева, будущего поэта, в форме "реалиста". Рядом — семья Куровых: Елизавета Петровна с мужем и сыновьями Сергеем и Виктором (будущим певцом).

Дидка Дотарева, будучи сама ребенком, запомнила детские и очень ранние стихи, которые сочинил Игорь-Северянин в отрочестве:

Слышишь вышло из-за леса,

Боды льет свои река.

Молодая баронесса

Быстро села на коня.

Две ищейки перед ней

В ожидании стоят,

А две нянюшки на чер

Крестно знаменье твоят.

Были и другие стихи в том же духе, но их никто не запомнил. В старшую из своих двоюродных сестер Игорь влюбился и стал называть ее "Елизаветой Судской" или "Царевной Суды".

Семья Дотаревых жила на Суде до 1925 г., до смерти Михаила Петровича. После этого дом национализировали, а хозяев выселили. Сыновья Дотаревы еще в 20-е гг. переехали в Москву, получили образование и работали на химических заводах. Екатерина Николаевна переехала в Москву в старшей дочери Елизавете, где прожила до своей смерти в 1944 г. Елизавета Михайловна, по первому браку Якульская, по второму Амосова, с 1911 г. проживала в Москве (Масков пер./ныне ул. Чаянтинга/, д. 22, кв. 14). В ее квартире у нас неоднократно бывал Игорь-Северянин, несколько раз принимал Владимира Маяковского. Елизавета Михайловна, некогда названная "царицей грез", запомнилась автору маленькой, сухонькой старушкой, большой астмой. Имеем она сохранила книги Н. Северянина, документы М. П. Дотарева и фотографии...

Т. П. Усачева

СЕВЕРНЫЙ ДУХ А. И. КУПРИНА

О Куприне написано множество статей, диссертаций, пять монографий, несколько книг воспоминаний. Несмотря на это, осталось еще много "белых пятен" в его творческой и личной биографии. (Одной из таких страниц является "даниловский" период.

Даниловское - родовое поместье Батышковых. Здесь по приглашению Ф.Д.Батышкова Куприн неоднократно бывал в 1906-1911 гг. Здесь написан ряд произведений, упрочивших всероссийскую славу писателя: "Суламифь", "Наумов", "Реквием"; здесь была начата повесть "Яма"; некоторые страницы "Транзитного браслета" созданы на основе впечатлений, полученных в Даниловском. "Даниловские времена" оставили глубокий след в душе писателя. "Пожалов Даниловским соснам, дубам и зверям... Чего бы я сейчас не отдал, чтобы вернуть даниловские времена..." - так писал Куприн в 1918 г. из Гатчины управляющему имением И.А.Арапову, с которым его связывала многолетняя дружба.

В 1907-1909 гг. Куприн задумал цикл произведений о Даниловском. Указание на это содержится в письме к Ф.Д.Батышкову из Одессы от 2 октября 1909 г.: "Я собираюсь написать о Даниловском такой же цикл, как и "Дистрикты" (Куприн А.И. Собр.соч. - М., 1972, т.5, с. 502-503). По ряду сведений, Куприн собирался дать этому циклу название "Уездный город". Указание на это находим, например, в его письме к М.К.Куприной-Морданской от ноября 1909 (там же, с. 503). К сожалению, цикла с таким названием Куприн не написал. Но существует ряд его произведений, созданных на основе "даниловских" впечатлений.

Первыми в этом ряду стоят рассказы "Попрыгунья-стрелкова" (1910) и "Черная молния" (1913). Сюда же относится рассказ "Груня" (1916), в котором действие происходит на пароходе (на пароходе Куприн побывал по Даниловскому по делам). Написанные в эмиграции рассказы "Песни Черный Нолик" (1921), "Племя Уот" (1930), "Бредень" (1933), "Вальдшнепы" (1933) составляют вторую часть этого несостоявшегося цикла.

Для изучения этих произведений немалую ценность имеет коллекция архивных документов Устьиженского краеведческого музея, не только открывающая новые факты из жизни Куприна (там, например, хранятся подлинники 19 писем его к И.А.Арапову, записные книжки В.А.Сипягиной-Дилигенфельд и пр.), но и дающая ключ к пониманию творческих замыслов писателя. Инициатор создания музея А.В.Бобров собрал еще в 60-е гг. ряд воспоминаний устьиженцев о Куприне. До сих пор из 15 воспоминаний опубликовано только одно.

Знакомство с материалами, хранящимися в Устьиже, позволяет сделать ряд наблюдений.

Нравственно-философский поиск, цель которого — определить границы "русского духа", — был не только главной темой, но и основной системно-целостного понимания рассказов "даниловского" цикла. Свои раздумья о России Куприн кристаллизует в рассказах о русском Севере. Факты реальной жизни Устюженского уезда позволили ему материализовать мысли о судьбе России и о "русской идее".

К перечисленным выше рассказам цикла "Уездный городец" следует отнести и рассказ "Мельзга". Прототипом одного из главных героев (учителя Астреина) послужил человек, с которым писатель познакомился в Даниловском. Куприн сохранил фамилию и некоторые обстоятельства жизни этого человека.

Потребность приблизиться к изначальной сути русской жизни, понять причины трагического разрыва интеллигенции и народа, побуждала Куприна к необходимости разработки не только познавательной, но и прогностической установки. "Мысль о России как о целом" (М. Горький) — основная тема второй части "даниловского" цикла, созданной в эмиграции. Здесь она трансформируется в идею психологического и нравственного родства русских людей из разных слоев общества, представленных в рассказах. Здесь же мы сталкиваемся с таким интересным явлением, как автопсихологизм: Куприн становится не только повествователем, но и непосредственным участником событий, и носителем "коренных" свойств русского духа.

Очевидно, что рассказы о Даниловском и Устюжке интересны не только как свидетельство о давно прошедшем. Жизненной силой веет от строк Куприна, помещенных в виде музейных документов и прекрасных рассказов.

Д. В. Кишко

ДИАЛЕКТИКА УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО В СИСТЕМЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ (РАССКАЗ А. И. КУПРИНА "ЖИДОВКА")

В художественной эволюции Куприна Русский Север сыграл очень значительную роль. Здесь определилось отношение писателя к русской революции ("Чуждая картина, устюжна горит!..."); здесь написаны многие программные произведения, ковалась концепция мира, закреплялись художественные обретения.

В ряду этих обретений — неизменное утверждение приоритета универсальных духовных ценностей. И прежде всего — защита человечности. Уже в ранних литературных опытах гуманистическая тенденция

реализуется куприним тематически очень широко, а типологически - национально многообразно. Его произведения самой различной жанровой природы населены героями многих национальностей: греки и французы, финны и поляки, татары и белорусы, украинцы и итальянцы, американцы и русские, японцы и азербайджанцы, латыши и евреи, немцы и цыгане. Куприн едва ли не самый "интернациональный" писатель рубежа XIX-XX вв.

Рассказ "Жидовка" написан в то время, когда реакция всячески разжигала шовинистические настроения, антисемитизм, - в 1904 г. (он явился звеном в своеобразном цикле. несколько раньше создан "Трус", чуть позже - "Гамбринус" и "Свадьба", жанровые картины нравов пресловутой "полосы оседлости". А параллельно - романтическая "Суламифь", на грани 30-х гг. - кинодрама "Рахиль".

"Жидовка" интересна как художественный синтез общечеловеческих представлений о ценности красоты, мудрости, справедливости - и конкретных размышлений представителя "великой нации" о судьбах многострадального народа. Два его характера - равноценны. Обре зэти концентрирует в себе тему красоты еврейской женщины, которая "стережет дух и тип расы, бережно несет склянок ручки крови, под гнетом насилия, священный огонь народного гения и никогда не даст потухнуть его". Кашинцев воплощает гуманизм и зоркость интеллектуального взгляда, благодаря которому становится явленной, на общем фоне тьмы, бедности и угнетения, "плутовства, робости и недоверия", эта дивная нетленная красота.

Сложность художественной идеи обуславливает самые различные уровни целостности произведения, и его композицию, в которой, например, равновелика роль портретных описаний героини и внутренних монологов Кашинцева, комментирующего и "осмысливающего" эти портреты. И интонационный диапазон, в котором соперничают патетика, драматизм, лиричность и ирония. И языковая пластичность, позволяющая равно убедительно живописать нищенский "заезд" Мойши Хашкеля, "безукоризненную чистую прелесть" легендарных дочерей еврейского народа, пьяное бесчинство Трофима Хвоста, "тоскливую дорогу с мертвыми белыми полями"... Наконец, жанровая специфика, сочетающая в себе модификации бытовой, социальной, психологической и философской новеллы.

Важной особенностью рассказа становится и страстность художественной оценки, оказывающаяся особенно наглядной при сопостав-

лении с рассказом Чехова "Красавицы". Куприн и Чехов ставят, кажется, одну и ту же проблему: высоко нравственное, облагораживающее и почти стихийное влияние красоты на бездуховное окружение. Чехов, как и Куприн составляет различные национальные типы женской красоты. Для обоих авторов свойственны философское начало, мировоззренческий пантеизм и т.п. Но чеховская новелла социально нейтральна, элегична по тону — рассказ же Куприна четко ориентирован на злобу дня: события русско-японской войны, еврейские погромы, метания интеллигенции, бесправие и бескультурие "низов". За поруганной и все же цветущей красотой Элли Куприн видит попорченную, но не умерщвленную душу народа, который "сохранил повсюду свой крепкий, горячий, кичливый тип, сохранил свою веру, полную великих надежд и мелочных обрядов, сохранил священный язык своих вдохновенных божественных книг..."

В сегодняшних преобразованиях мы стремимся восстановить национально-этнические черты каждого, большого и малого, народа своего отропного племени. Без развития этих национальных черт невозможно прогресс культурной общечеловеческой целостности. А значит, и подлинный интернационализм.

С.Н.Доценко

СЕВЕРНЫЕ МОТИВЫ В АПОКРИФАХ А.М.РЕМИЗОВА

Русский Север вошел в жизнь и творчество Ремизова во время его пребывания в ссылке (Усть-Сысольск и Вологда, 1900-1903). Писатель соприкоснулся не только с интеллектуальной жизнью туземца политических ссыльных (см. его главу "Северные Афины" из мемуарной книги "Иверень"), но также с русским и зырянским фольклором. Зырянские легенды и мифы войдут в цикл "Полнощное солнце" (1908), а работа над русскими северными легендами и сказками отразится в книге "К Мору=Океану" и второй (дополненной и исправленной) редакции "Димонаря" (1912). Тогда же писатель, не без содействия М.Пришвина, обратится к легендам лопарей, жителей "мрачной страны чарошей".

Русский северный колорит заметно отличает "Димонарь". В него вошли несколько легенд из сборника Н.Е.Сичукова "Северные сказки" (СПб, 1909), обработанные Ремизовым: "Иов и Магдалина", "чужая вилла", "Кузьма и дедьян", "Пасхальный огонь" и др. Но более интересны

северные мотивы в повестях, написанных по другим источникам.

"Никола Угольник". Главные источники - сербский духовный стих "Св. Никола и триста старцев иноков", статья Е. Даничкова "Миколв = Угольник и св. Николай" (1892). Ремизов точно воспроизводит сюжет духовного стиха: Никола на пиру поднимает чашу во славу Бога Христа и вдруг засыпает. Чаша выпадает у него из рук, но не разбьется, Илья копытывает причину сна. Как оказалось, во сне Никола увидел, как буря чуть не поглотила корабль, на котором триста старцев плыли ко Святой Горе. Они обратились к Николе за помощью, и тот спас их от гибели. Но целый ряд деталей подвергся трансформации. В духовном стихе речь идет о Святой Горе (Афоне); у Ремизова паломники направляются "на Никольщину в Миры Дикийские" (город, где родился, жил и умер св. Николай). Сами паломники оказываются... "старцами словоцкими" и плывут они "по холодному ступенному морю". В поэтической топографии Ремизова "Ступенное море-Скеан" - море, омывающее Лапландию и Север Руси (см. карту Лапландия, сделанную Ремизовым - ИРБ, ф. 634, оп. I, ел. хр. 18). Сюжет духовного стиха переносится на русские Север, и ремизовский апокриф приобретает "русский" колорит. Никольщина - тоже типично русский обычай справить Николу зимнего обильными возлияниями. Русским колоритом отмечены и святые на пиру. Ремизов перечисляет всех святых, известных народному календарю, причем использует их народные прозвища (Петр-полукорм, Афанасий-ломонох, Аксима-полухлебница, Власий-сшиб рога змеи, Василий-капельник и т.п.) В апокрифе Ремизова Никола - "нышлюб, странноприимец, вечный странник, вечный труженик, чудотворец и заступник за Русскую Землю", - т.е. образ, созданный русскими народными легендами. Он помогает мужику собрать урожай, поднять илловые работы, умиротворить самого Илью, вытащить телегу из грязи. Все эти мотивы Ремизов взял из легенд: "Илья-пророк и Никола", "Касьян и Никола" (из оборотня Афанасьева).

"...нало приспособлять и к своей земле (обстановке), и к своим чувствам и понятиям. Принаравливание чужих сказаний к своей национальности..." - в этом суть метода Ремизова, обращающегося к самому различному фольклорному материалу. "приспособление" к своей земле видим и в других "отреченных" повестях "Диконяра". В "Рождестве Христовом" (1910) вместо трех царей-волхвов из страны персидской - "три мудрых лопарских царя", которые "мледали ветрами, подымали бурю, имели власть двигать морские острова, насыпать

стреми, обращать живое в камень..." (баснословные сведения о лопарских колдунах - волхвах Ремизов почерпнул из книги Н.Харузина "Русские лопари" (М., 1890) и этнографических очерков М.Пришвина). Библийская топография (Иерусалим, Иерусалим) наполняется зимними ("Северными") деталями: снег, мороз, сугробы и т.п. Богородица и Иосиф едут на перепись в Вифлеем в санях, которые тащит лошадиная сила, - все подчеркивает местный колорит. Столь же характерна "елка", которую ждали вифлеемские ребятишки.

Евангельскую версию Рождества Ремизов дополняет и апокрифическими мотивами. Так поясняется образ поповальной бабки Соломоницы, помстившей Богородице при родах. Этот образ нередко встречается в русских заговорах. В заговоре, записанном в Вологодской губ., помнута "баба Салманица, коя Иисуса Христа самого попевала, пеленами пеленала..." (Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. - СПб., 1908, вып. I, № 79). Протитированный текст - один из возможных источников этого мотива, обнаруживающего свое "русское" происхождение.

Много позднее Ремизов заметил: "Когда в первый раз я увидел "Вифлеемскую перепись", я как сам побывал в заброшенном фламандском селе "Вифлеем", где чудо Рождества Спасителя мира закреплено в кругу своих земляков - фламандцев на этой земле под "нашим" небом. И не могу себе представить, как иначе изобразил бы я евангельское Рождество". Знаменательно, что Вифлеем Ремизов называет "фламандским селом": картина Питера Брейгеля Старшего "Перепись в Вифлееме" изображающая евангельское событие на фоне северного зимнего пейзажа, становится для него примером того, как это событие можно перенести в иное культурно-географическое пространство и окрасить местным колоритом. Именно таким выйдет Ремизову подлинный эпос.

Д.В.Розанов

ПЬЕСА А.М.РЕМИЗОВА ОБ ИУДЕ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОКИ

Северные впечатления вошли во многие книги А.М.Ремизова. Среди них - "Вологодская" повесть "Часы", роман "В розовом блеске", первая редакция романа "Пруд", книга воспоминаний "Иверень". Не менее важно и другое. Под влиянием духовной атмосферы Русского Севера, почти не замутненной еще в те годы языковой стихии, со-

вершено органического бытования устного народного творчества сложился своеобразный фольклоризм Ремизова, определивший на долгие годы направления его стилизных исканий.

Вопрос о мере и степени присутствия современности в стилизациях древних сюжетов был всегда сложен для писателя. "В сказке надо беречь волшебное, а его легко развеять, стоит только приблизить содержание к действительности", — считал Ремизов. Но в его творчестве была сильна и противоположная тенденция — максимально обогатить сказочно-архаический сюжет с реальностью своего времени. Это было сделано, например, в первой пьесе Ремизова "Бессовское действо".

В "Трагедии о Иуде, принце Искаротском" (1909, пост. 1916) противостояние между "волшебным" и "действительностью" значительно увеличено, современность с ее проблемами ощущается лишь на самом сплавленном плане. Полностью отсутствуют анахронизмы в качестве видимых знаков затмевленных современных реалий (как это было в "Бессовском действе"). В поголовной русификации персонажей "Трагедии о Иуде..." не следует видеть желания автора связать события пьесы с русской действительностью. Это всего лишь отражение естественного процесса русификации, который происходил в русском фольклоре.

Но неожиданно для автора его трагедия попала в ряд злободневных произведений. После поражения революции 1905 г. одиозный евангельский персонаж стал своеобразным героем дня. В статье "о современности" (1912) М. Горький заметил: "Мне кажется, что основная тенденция современной литературы сводится более или менее к переоценке деятельности Иуды Искарота..."

Но пьеса Ремизова вовсе не претендует на "реабилитацию" Иуды. Для автора Иуда — это прежде всего герой мифологии, а уж потом — символ определенного порока. Он лишен той церковно-моралистической оболочки, в которой предстала большинству людей начала XX в. Представление об Иуде как об абсолютном злодее сложилось в средние века — Ремизов же обращается к более древним мифологическим пластам.

Тем не менее, "Трагедия о Иуде..." связана с идеологией своего времени. Но связь эта лежит в иной плоскости. Ремизовский Иуда, решаясь идти к Христу, говорит: "Я слышу его голос. Он зовет меня, чтобы я принял на себя за весь мир последнюю и самую тяжкую нину". В сущности, Иуда совершает грех во имя великой цели — полн он

победы учения Христа и, в конечном итоге, как он полагает, для всеобщего счастья людей. Если отвлечься от христианской образности, то перед нами один из вечных вопросов, которые в определенные исторические эпохи приобретают особое значение и в "облавлении" которых всегда участвует искусство.

Тема "последней жертвы" в идеологическом и нравственном аспектах широко обсуждалась в "вологодском кружке" молодых литераторов, философов, революционеров. Материалы переписки между членами кружка, проблематика их позднейших произведений позволяют утверждать, что идеология "вологодских споров" нашла прямое отражение в трактовке Ремизовым основного образа этой трагедии.

Е.К.Сезина

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ СЕВЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ УРАЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (К.Д.НОСИЛОВ, П.П.ИНФАНТЬЕВ)

К.Д.Носилов (1858-1923) был крупным ученым и общественным деятелем. Он оставил свой след в этнографии, зоологии, минералогии, геологии. Писатель и публицист, он сотрудничал со многими газетами; его произведения ценили Чехов, Толстой, Горький. С 1883 г. он начал путешествовать по русскому, уральскому и сибирскому Северу, с 1887 г. совершил несколько экспедиций на Новую Землю, в 1890 г. исследовал Ямал и разработал план водного пути через полуостров.

П.П.Инфантьев (1860-1913) в молодости принадлежал к социал-демократической группе Д.Благоева, в 1890-91 гг. отбывал одиночное заключение в петербургских "Крестах". В 1892 г. его путь скрестился с Носиловым: они вместе отправились на северо-запад Сибири, в край вогулов (манси). В 1900-х гг. Инфантьев проживал в Нюнгороде, много путешествовал по Архангельскому и Мурманскому краю. С апреля 1912 г. был редактором журнала "Заветы".

Эти литераторы ввели в художественную литературу многие малые народности страны, не только не обладавшие тогда письменностью, но еще не осознавшие себя как самостоятельные этнические общности. Они привлекли внимание общества к самой проблеме "инородцев", в конце XIX в. уже находящихся на грани вымирания, раскрыли перед читателями обаяние и самобытность жизни российского Севера. Терпимость и широта взгляда, уважение личности человека иного этнического и культурного мира - этот полнокровный, свойственный лучшим рус-

ским ученым (А.Н.Пыпин, А.П.Щапов, Н.М.Ядринцев), был характерен и для наших авторов.

Просветительски-популяризаторские задачи непосредственно определяли структуру произведений Инфантаева. Большинство очерков и рассказов открывалось бесстрастным, этнографически точным введением в жизнь народа, далее следовала "беллетристика": остроконечная история о представителе этой народности, репрезентативная или бытовых и нравственных представлении общности в целом. По существу, в своей этнографической занимательности Инфантаев пытался реализовать принцип единства науки и искусства, о котором писал А.Н. Пыпин (см.: История русской этнографии, т. I. — СПб., 1890, с. 424). Его художественный метод мы обозначаем как "просветительский этнографизм".

Идея братства и родства всех народностей, единства их общечеловеческих корней — основная для писателя. Буквально в каждом народе он стремится подчеркнуть ценные, добрые черты. Об "оленьих коряках": "мирный, гостеприимный, честный и добродушный народ" (Сибирские рассказы. — М., 1909, с. 4). О "самоедах": "Защиты в звериные шкуры, о исскачанными кровью лицами, эти люди казались сами какими-то хищными зверями, хотя на самом деле это были самые проткые и миролюбивейшие люди на свете" (На Севере диком: рассказы из жизни самоедов. — СПб., 1907, с. 19).

Таинственной и глубоко интересной, имеющей внутренний смысл представляется жизнь "дикаря-самоеда" К.Д. Носилову: "Какой трагический обычай, сколько поэзии, мысли в нем заключается у этого на вид грубого, невежественного дикаря!" (На Новой Земле: Очерки и наброски. — СПб., 1903, с. 307). Повествуя об истории Фомы Были, ставшего основателем немцевских колоний на островах Новой Земли, Нослов не скрывает восхищения богатством и силой натуры "самоеда", его врожденным достоинством и острым умом, позволяющим "дикаря" стать губернатором острова. Скрупулезность и научная точность в описаниях явления природы и человеческой жизни сочетаются у писателя с поэтическим лиризмом человека, ялполенного в этот край и в его обитателей.

Писатели повествуют о страшной нищете, в которой живут коренные жители зауредельных районов России, о процветающих там пьянстве и болезнях, о хроническом голоде и т.п. Инфантаев оказывается жестче и суровее Носилова. Из одного и того же путешествия по

реке Конде (приток Иртыша) первый выносит страшное впечатление о гниющем заживо ребенке в смрадном вогульском юрте; второй — радость узнавания "души" народа в разыгранном вогулями театре, в старинных песнях дедушки Саввы. Внешняя безэмоциональность прозы Инфантьева подчеркивает тягостность общей картины и беспомощность русских путешественников облегчать страдания несчастных "инородцев". Являясь по развитию цивилизация несет им дополнительные беды, ибо она — "слепая, стихийная сила", ибо "они не могут ей противопоставить силу народного образования и просвещения" (Поездка на Белое море. — СПб., 1911, с. 118); причем, вывод этот относим и к архангельскому помору, и к мурманскому рыбаку.

Призыв к прогрессивному развитию малых народностей сочетался и у Инфантьева, и у Носилова с личной тягой к простой, естественно-соприродной жизни "дикарей", поскольку в ней — слияние с миром, гармония внешнего и внутреннего, которой лишен: полная диссонансов и противоречий "цивилизация". И в полярной тундре (Носилов), и на просторах Беломорья (Инфантьев) писатели видят бесконечность и неисчерпаемость жизни, единой для всех живых существ и искусственно затормаживаемой в душных квадратах городов. Возникающее чувство "полноты жизни" не случайно: в те годы складывалось учение В.И. Вернадского о биосфере, и мысли о "живом веществе" в различных формах присутствовали в сознании его современников. В частности, в полном соответствии с биосферными законами Н.М. Яришев сформулировал свое положение о зависимости экономического и культурного состояния сибирских "инородцев" от сохранения целостности или, напротив, разрушения природных условий их существования русскими колонизаторами, приход которых нарушил сбалансированный уровень организованности окружающей среды и, следовательно, неминуемо вызвал упадок культуры коренных жителей. Эту зависимость отмечал и Инфантьев. Путь просвещения "диких" племен, указанный русскими "утопистами" конца XIX в., был действительно единственно верным путем (поскольку прервать насильственную колонизацию края было уже невозможно): просвещение должно быть органичным для сознания и образа жизни народов, для окружающего их природного мира. Речь шла об экологии природной среды и культуры Севера, о постижении вместе с развитием человека нового уровня баланса биосферы.

Одновременно путь просвещения малых народностей влек за собой формирование у них этнического самосознания, неизбежные и компоненты складывания целостного этноса (Ю.Бромлей), более способного к самозащите и сохранению национальной культуры, нежели "несоздавшие", архаические народы. Таким образом, книги Носилова и Инфантьева способствовали не только гражданскому воспитанию русского читателя, но и объективно "работали" на этническое становление тех общностей, о которых они с любовью и сочувствием писали.

А.И.Иванов

РУССКИЙ СЕВЕР В ТВОРЧЕСТВЕ А.С.СЕРАФИМОВИЧА

Мощь Севера, оочность красок в описании северной природы - ярчайшим признаком ранних рассказов А.С.Серафимовича. необычный колорит стчасти объясняется тем, что Север был увиден глазами южанина, выросшего в приюльских степях, знакомящегося с новой для него жизнью. в то же время могучие леса, суровое Белое море и своеобразная река описаны в рассказах "На льдине", "На плотах" языком художника-романтика. Не случайно первые критики Серафимовича упрекали его в романтизме, в подражании Короленко, в расточительности красок. Упреки эти, во многом справедливые, следует, однако, уточнить.

Щедрость красок ранних рассказов Серафимовича, необычная для реалистической литературы конца XIX в., была вызвана стремлением подчеркнуть величие природы, среди которой, наряду с мужественными и сильными людьми, живут разного рода хищники и стяжатели. Здесь отчетливо ощущается противостояние природы, внешних сил и людей с их "мелкими" страстями. далеко не случайно такие пороки, как алчность, хищничество, показываются автором на фоне могучих северных пейзажей. Молодой писатель словно предвидит, что эти люди и их "страсти" станут одной из причин гибели вековых лесов и рек.

При рассмотрении северного цикла Серафимовича как части его творческой биографии обращает на себя внимание соотношение сил могучей природы и "слабостей" человека. Если в северных рассказах первоначальная природа несравненно сильнее человека, то в более поздней повести "Пески" также "слабости" людские, как мед-

ность, стремление во что бы то ни стало стать обладателем хозяйства, представлены уже на равных с природной стихией - неотвратимо наступающими пустынными песками.

Обратившись к раннему творчеству Серафимовича, можно с уверенностью предположить, что основным углом зрения на отношения человека и природы был выбран автором именно на Севере.

Б.И.Маркса

ТВОРЧЕСТВО Н.А.КЛЕОВА В СЫТЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ФOLKЛОРИСТИКИ

В XIX в. наибольших успехов в собирании и изучении фольклора добились исследователи, не принадлежавшие к крестьянской среде (П.Н.Рыбников, А.Ф.Гильердинг, В.В.Барсов и мн.др.). Характерно деление собирателей от "сказителей", создание "паспортичек", в которых стали указываться не только имя, возраст, степень грамотности, среда проживания, но и имена учителей носителей фольклора.

В начале XX в., наряду со взглядом на Север "извне" появляется взгляд "изнутри": духовные сокровища родного края начинают осваивать писатели. Выразительный пример - деятельность поэта Николая Клеова. Если в начале творческого пути он ощущал себя младшим братом символистов (А.Блока, В.Брюсова и др.), то позже очень скоро осознал свою "особенность" и стал значителем "новокрестьянской" поэзии. Здесь ему помогла не только впитанная с молоком матери традиционная крестьянская культура, но и богатейший опыт русского фольклористики.

Его позднейшая самохарактеристика: "Я - самый крупный знаток фольклора в СССР" (Русский фольклор, вып.ХУ.- Л., 1975, с.205) оправдана: он много записывал произведения устного народного творчества, собирал образцы материальной культуры Севера. В годы революции он создает в Рытире фольклорный кружок под названием "Похвала народной песне и музыке". В числе его знакомых был известный фольклорист К.М.Соколов (см.: Азатовский К.М. Ю.М.Соколов и Н.А.Клеов.- Русский Север.- Л., 1966, с.214-218).

Но в еще большей степени Клеов ощущал себя сказителем нового типа. Правящихся ему поэтов он именовал "сказителями", себя - "песенником". В автобиографии он указал на свои "сказительские" корни:

мать Клева, Прасковья Дмитриевна, была талантливой сказительницей и плясачкой. Сам поэт носил народные костюмы; его ленинградская квартира напоминала избу.

В единственном прижизненном собрании сочинений — "Песнослов" (1919) Клев опубликовал два цикла стихов, стилизованных под фольклор: "Братские песни" и "Песни из Заонежья". Сам "Песнослов" структурно близок к фольклорным сборникам XIX в. Так, Ф. Чистович, объясняя логику построения записанных в Архангельской и Олонецкой губерниях "песен русского народа" (СПб., 1894), отмечал необходимость следующей последовательности: песни, отражающие религиозные чувства народа, представления об истории и исторических лицах, важнейших сторонах быта, любви и семейной жизни; заключают книгу песни горя-тиремные и рекрутовские. Разумеется, "Песнослов" демонстрирует не только подобный "последовательский" подход к народной традиции, но и спор с ней. Разделы сборника "Долина одиночества" и "Красный рык" оспаривают тезис об угасании народного творчества. Поэт утверждает, что народо-творец способен к возрождению и развитию при условии возрождения всего национального крестьянского уклада.

А. П. Ауэр

СЕВЕРНЫЕ ОЧЕРКИ БОРИСА ПИЛЬНЯКА

Русский Север постоянно волновал воображение Бориса Пильняка (Б. А. Волгау, 1894—1937). "Богородицы называли Русский Север — Заюлочьем", — писал он, стремясь проникнуть в тайны этого сказочно-фантастического и сурового мира. Эта устремленность привела в конечном итоге к созданию "северного" цикла, в котором тесно переплетается очерковая и беллетристическая проза Пильняка. Художественную основу цикла образует своего рода диалогия, порожденная очерком "На Шпицбергене" с повестью "Заюлочье". Большая часть очерка стала достоянием повести, что весьма характерно для авангардистской поэтики Пильняка: очерк с его абсолютной жизненной достоверностью на равных правах с множеством других компонентов вошел в мозаичное художественное целое.

Такой синтез характерен для всего цикла, куда постепенно добавились очерки-путешествия "Самолет в лесах", "Соли каменные", "Россия в полете" и роман "Дьяволики". Соединение очерковой кон-

критики с беллетристической художественностью — это доминанта во всех северных пейзажах Пильняка, включая урбанистические (образ Архангельска) и маринистические. Пильняковские пейзажи чаще всего имеют укрупненное пространство, позволяющее в одном повествовательном "кадре" разместить и космос, и океан, и землю.

Становится очевидным, что северные пейзажи Пильняка в результате такого глобального сопряжения обретают символическую значимость, а пейзажный символизм опосредствует воплощение философии Севера, направленной на утверждение закона братства. В пейзажах Пильняк показал, какая страшная и грозная стихия противостоит человеку на севере. Только в братском союзе человек может быть и победителем в поединке с космическими северными стихиями. Пильняк подчеркивает: "И традиции севера крепко научили человека знать, что человек человеку — брат; если человек пришел в чужой дом — дом не заперт и у него ничего нет, там для него оставлены винтовка и пища". Братство на севере — настолько великая сила, что может победить даже смерть. Для Пильняка сообщество людей севера — это идеал человеческого существования, ибо оно живет единственным законом — "законом братства и мужества"

В.А.Черняков

УРОВЕНЬ И ХАРАКТЕР РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

В историческом развитии духовной культуры человечества имели место разные периоды функционирования в ее рамках религии, неоднозначный характер взаимоотношения религиозного и эстетического сознания. Несмотря на многовековую связь религии и искусства, на их некоторые черты общности, все же следует иметь в виду, что религия зачастую извращала земную сущность искусства, относилась к нему потребительски. Это не значит, что религия не оказала никакого позитивного влияния на развитие искусства. Напротив, как при анализе церковного искусства мировых религий, так и в светском искусстве, мы обнаруживаем множество примеров такого влияния. Вместе с тем, нельзя не заметить, что начиная с эпохи Возрождения происходит секуляризация искусства (хотя в отдельные периоды в отдельных странах можно наблюдать и тенденцию к его сакрализации).

Так показывает анализ архивных материалов, периодической печати, научной и художественной литературы, имеющих отношение к характеристике культуры Русского Севера конца XIX - начала XX вв., прослеживается определенная связь между уровнем и характером религиозности людей, уровнем их образования, социально-экономическими и социально-классовыми условиями, в которых они находятся. При этом нельзя сказать, что религиозность человека является признаком его низкой культуры. Можно назвать сотни выдающихся мыслителей и художников, веривших в Бога; имеются и примеры другого рода, когда воинственно-атеистические взгляды человека приносили вред как культуре его собственной, так и культуре всего народа. Достаточно вспомнить акты вандализма в отношении к памятникам церковной культуры в 20-30-е гг., чтобы убедиться в этом.

Не обошла эта волна и Русский Север. В архиве редакции газеты "Безбожник" хранится письмо члена Союза воинствующих безбожников из Вологды Д.Б.Кашинцева, датированное 26 июля 1928 г. В нем автор пишет: "Гражданин редактор! Считаю не лишним поделиться с вами, как у нас в Вологде отжили и отживают очаги дурмана или духа народа. "Храмы божие" для многих граждан теперь отжившие и совершенно ненужные учреждения:

1) Снесена церковь безприходская на Советском проспекте (бывш. Московской улице) в 1925 году - Афанасия Александрийского.

2) На этой же улице рядом с ней - доламывается церковь Николая, что на Сенной.

3) Бывший вологодский собор Спасителя с 1927 года переделан в кино, под названием "дома Искусств", где кроме кино читаются лекции по научным вопросам, даются концерты, вместо прежнего дурмана поповского. Посещаемость ежедневно в настоящее время громадная.

4) почти рядом упразднена в 1927 г. церковь Иоанна Предтечи. Колокола сняты и увезены, некоторые иконы помещены в Государственный музей, находящийся в бывших "покоях" Архиепископа и Консультории..." и т.д. (ЦГАОР, ф.5407, оп.2, ед.хр.14 (1-2), л.53)

Таким образом в результате "безбожных дел" в Вологде было уничтожено почти 20 храмов, в Череповце - 5. Тут нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что народ жаждал обновления, стремился расстаться с "проклятым прошлым". Теперь мы наблюдаем обратный процесс: значительная группа людей мечтает о возврате к прошлому, которое идеализируется и представляется еще более светлым, чем

раньше мыслилось будущее.

Анализ истории развития культуры и ее важнейшего элемента - религии - позволяет предположить, что религиозность человека - это многоуровневое явление. Если первый уровень связан с низким состоянием материальной и духовной культуры, то второй возникает на более высоком рубеже ее развития. С расширением и углублением познания объективного мира расширяется и область непознанного, а отсюда появляется и возможность воспроизводства религиозности на новой ступени развития культуры. При этом религиозность становится одним из способов раскрытия духовной сущности человека.

Н.П.Морозова

ЧЕРЕПОВЕЦКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО В.Н.ТЕНИШЕВА

В архиве Этнографического бюро кн.В.Н.Тенишева (ОР Музея этнографии народов СССР, ф.7) хранится 1866 рукописей - ответы на вопросы обширной Программы, присланные собирателями из 23 губерний центральной и северной России. Наиболее изученными оказались Орловская, Вологодская и Новгородская губернии.

95 рукописей (более 2-х тыс. листов) поступило в Бюро от череповецких краеведов. Их записи отличались глубиной, детальностью наблюдений, профессионализмом и были широко использованы в изданных Бюро трудах: книге С.В.Максимова "Нечистая, неведомая и крестная сила" (СПб., 1903) и книге В.Попова "Русская народно-бытовая медицина" (СПб., 1903).

Материалы Бюро дают широкое представление о жизни череповецких крестьян. Местные промыслы, торговля, уклад жизни, верования, фольклор, народная медицина и многое другое отражено в рукописях череповчан (все записи сделаны в 1897-1900 гг.)

Мемуарная литература, хроники Череповецкого уездного земства, публикации новгородского земского печатни позволяют в значительной степени восстановить биографии череповецких корреспондентов тенишевского бюро.

Учитель Афанасий Никитич Власов (1852, Никифоровская вол. Устюженского у. - 15 января 1902, Череповец) - самый активный собиратель, составитель 40 рукописей. Родился в крестьянском семье. В 1872 г. окончил Новгородскую учительскую семинарию, затем преподавал в устюженском уезде. В 1882-1901 гг. он был учителем с.Покровское

Шухтовской вол. Череповецкого уезда. "Очерки народного образования в Новгородской губернии за 1884/5 уч.год" (Новгород, 1887) писали об этой школе: "Помещение состоит из шести комнат: класса, ночлежной, квартиры учителя (в 3 комнаты) и кухни. В классе может разместиться до 60 учеников. 9 окон, печь кирпичная. Комната квадратная" (с. 353). В 1901 г. А.Н. Власов перешел на службу в земское училище, но вскоре тяжело заболел и скончался от скоротечной чахотки. "Вестник Новгородского земства" (1902, № 5, с. 37) сообщал по этому поводу: "Человек пробыл учителем 29 лет, отдал школе всю свою жизнь, а оставил по болезни службу - негде жить, нечего есть и нечем лечиться, хоть ложись под забор и умирай о голоду. ... Два месяца он лежал у родственников, потом Череповецкая земская управа дала ему содержание и комнату в своей больнице, где он пользовался внимательным уходом, а директор народных училищ Новгородской губернии прислал 50 рублей в пособие". В записях А.Н. Власова, помимо разнообразных этнографических материалов, сохранились бытовавшие в уезде сказки, анекдоты, пословицы, поговорки, загадки. Представляют интерес его лингвистические наблюдения.

Учитель Василий Антипович Антипов, заведовавший Уломской этнографической школой, а позднее занимавшийся вопросами народного образования как член череповецкой городской управы, прислал в Бюро 24 рукописи. Особую ценность представляют его рассказы о местных книголюбцах, их литературных вкусах, списки крестьянских библиотек. В.А. Антипов - автор любопытных мемуарных очерков об истории Уломской школы и жизни сельского учителя.

Из рукописей поступило в Бюро от учителя Александра Григорьевича Васильева (1860, Новг. уезд - после 1900). В 1881 г. окончил Новгородскую учительскую семинарию и стал учителем земской школы с. Борисово Богословской вол. Череповецкого уезда, где, по свидетельству, проработал большую часть жизни. Упомянувшиеся "Очерки народного образования в Новгородской губернии..." так характеризуют Борисовскую школу: "Помещение - каменный у частного лица дом; расположено училищное здание среди селения, недалеко от церкви и кладбища. Всего комнат в доме три: одна классная, две небольших для учителя. В классе может поместиться не более 40 учеников, окон в классе - 6. Печь голландская. Помещение темное и душное" "Дозревая на прироку, демонология, жер в знахарей, колдунов,

свадебные причеты, песни, брачная жизнь, супружеская неверность, рождение и воспитание детей — вот некоторые из тех записей А.Г. Васильева.

Подробную запись свадебного обряда приложил учитель Коротовского училища Андрей Иванович Карпов. Он происходил из местных крестьян, в 1885 г. окончил Череповецкую учительскую семинарию, в 1901 г. стал учителем популярной у местных жителей Уломской школы. Вторая из присланных им рукописей рассказывает о праздниках, охоте и рыболовстве, пище череповецких крестьян и о многом другом.

Любопытные материалы по народной медицине вошли в состав 5 рукописей уломского фельдшера Михаила Кондратьевича Герасимова (б. №. 1876, Бесыгонск — после 1902, там же), автора "Словаря Череповецкого уездного говора". Чрезвычайно интересные наблюдения над народной демонологией принадлежат также его жене, Евдокии (отправил в Бюро 6 корреспонденции). Помимо разнообразных рассказов о водяном, лесовом, баннике, Е. Герасимов приводит свидетельства древнего культа деревьев: "Есть ряд случаев, в которых играет роль не стоящее на корню дерево, а только изделия или сооружения из него; но почитание и вера в какую-то силу, происходящую именно от дерева, ясно прослеживаются из следующих фактов: при некоторых болезнях проталкивают или, вернее, продевают детей сквозь ступени сквозной лестницы (д. Бор Уломской вол., с. Морозное Морозкой юл.). Далее при боли в пояснице трутся обнаженной поясницей о подпорки, стоящие около заборов, или о среднюю стенку ошени. Маленьких детей при бессоннице стучат пятами о стенку в нежилой хоромине".

Одна рукопись ("Местные условия жизни, Календарь сельхозработ. Взаимоотношения с властями") была послана из усадьбы Александрино Ягановской волости Череповецкого уезда Алексеем Алексеевичем Паладьем.

В.С. Белоненко

**МАТЕРИАЛЫ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМ.М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА ПО ИСТОРИИ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Отдел рукописей ГПБ волею судеб является обладателем колоссального массива памятников истории и культуры Вологодской области о древних временах до XX в. широко известны в научном мире такие фонды отдела, как библиотека б.Кирилло-Белозерского монастыря, основное собрание актов и грамот, собрание Софийского собора в Новгороде, основное собрание рукописных книг, — в которых сосре-

сотнями тысячи документов и книг вологодского происхождения. Последние три века, помимо материалов церковного происхождения, представлены в хранилище личными фондами А.В.Макарова, К.Н. и П.Н.Батюшковых, В.В.Верещагина, Н.Д.Чечулина (В общей сложности материалы этих лиц по хранилищам Ленинграда составляют около 1500 единиц хранения).

Научно-информационное, исследовательское и, в особенности, общественно-культурное освоение этих памятников оставляет желать много лучшего. ОР ГПБ предлагает подготовить и издать по заказу заинтересованных вологодских учреждений, организаций и обществ каталог материалов ХУЩАХ вв. уроженцев Вологодской области, хранящихся в архивах Ленинграда. Мы можем принять участие в разработке и совершенствовании музейных экспозиций Батюшковых Чечулиных Макарова и Верещагина. Необходимые из материалов ГПБ можно скопировать тем или иным способом (ксерокопия, фотокопия, муляж) для стационарного экспонирования. Формой бы организовать работу по копированию живописных полотен В.В.Верещагина и т.п.

Между Ленинградским и Вологодским отделениями Славянского фонда необходимо наладить творческую и деловую связь и разработать совместные акции в области музейно-лекционной и концертной деятельности, научно-информационного раскрытия и исследования различных историко-культурных комплексных памятников: Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского, Антоние-Дымского, Воскресенского Череповецкого и других монастырей Русского Севера. Необходимы также совместные усилия в деле разработки и издания каталогов различных профилей, сборников документов и литературно-исторических памятников Вологодчины, интерес к которым постоянен и широк.

Общественно-культурное освоение памятников русской истории, литературы, науки, искусства, общественной деятельности и мысли состоит в том, чтобы сам народ, подготовленный и организованный национальной интеллигенцией, естественным образом превращал бы памятники культуры, — часто оторванные не только от источника и места своего рождения, но и от современной культурной жизни, особенно провинциальной, — в источники своей живой культуры. Культура интеллигенции должна быть народной культурой, а народная культура должна быть интеллигентной. Лишь совместные и неординарные усилия могут дать результаты не только на уровне элитарной науки, но и на уровне культуры народа, национального сознания.

**ФОНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЛЕНИНГРАДА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ НА РУССКОМ
СЕВЕРЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Одним из фондов ЦГАОР Ленинграда, лишь недавно ставший доступным исследователям, составляют материалы Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Эта организация существовала в 1924-1936 гг. и за короткий срок сумела собрать большое количество документов, фотографий, статей и воспоминаний ссыльных членов. Историко-исследовательская и собирательская работа в обществе велась по секциям, и одной из наиболее активных была секция по изучению культурной роли политссыльных.

Она была организована осенью 1928 г. и занималась исследованием влияния и быта политической ссылки со времен декабристов; однако основная часть собранных материалов относится к 1880-1917 гг. Наблюдается секция около 60 человек; к ее работе привлекались не только политкаторжане, но и бывшие революционеры, сосланные как в административном, так и в судебном порядке. Особое внимание уделялось регионам Сибири и Дальнего Востока (так, были собраны интересные воспоминания составителя якутского словаря Э.Н.Декарского или известного исследователя Сибири, основателя секции народовольца С.П.Швецова - ф.506, оп.1, д.211, 256). В ноябре 1931 г. была создана специальная Архангельская подсекция, ставшая вскоре наиболее активной и многочисленной (в 1933 г. - 28 человек). Ее называли также подсекцией "Ближнего Севера", так как туда входили и бывшие ссыльные Вологодской и Олонецкой губерний (там же, д.323, л.37; д.483, л.6).

В обращении по поводу создания указанной подсекции говорилось: "Архангельская ссылка была рассадником культуры в диком краю... Жизнь политссылки... ценный материал для истории развития культуры Северного края" (там же, д.324, л.5). Знакомство с архивными материалами наглядно убеждает в правильности такого вывода. Ценные сведения содержат воспоминания П.А.Терского "Архангельская политссылка - Печерский край", Л.А.Ремьянниковой "Административная ссылка в Пинеж и Онеге", Г.В.Хильникова "О колонии политссыльных в Усть-Сысольске в 1907-1908 гг.", Книжника "О Мезенской и Пинежской колонии политссыльных в 1909-1908 гг." и т.д. В них го-

борится о роли революционеров в ликвидации неграмотности местного населения, его общем культурном развитии (создание библиотек, драматических трупп, клубов, проведение публичных бесед, чтений, диспутов). Оказывали политическую и медицинскую помощь, боролись с эпидемиями, вели агитацию за чистоту и гигиену. Необходимо отметить их роль в развитии на Севере различных ремесел, приношении новых инструментов, сельскохозяйственных орудий, рыболовных и охотничьих принадлежностей. Кроме того, они активно участвовали в научном изучении края. Так, в 1909 г. 62 политссыльных работало в двух научных экспедициях в бассейне реки Печоры. Они собирали растения, насекомых, камни, проводили опыты по выращиванию овощей, учили ненцев делать оленям прививки и т.д. В отдельных населенных пунктах, где число ссыльных достигало большой цифры, их культурное воздействие было особенно значительным (в селе Усть-Цильма на 3 тыс. жителей - 230 ссыльных, в Усть-Сысольске - более 1700 ссыльных, в Грязовце - несколько тысяч и т.д.) (Там же, л.265, 471, 487 и др.)

Кроме материалов секции по изучению культурной роли политссыльных, определенным интерес представляют личные дела членов общества политкаторжан, содержащие разного рода документы об их пребывании в Русском Севере. Можно упомянуть дела первого председателя Екатеринбургского Совета, одного из участников расстрела Николая П. М. Быкова, члена Петроградского комитета эсеров П. А. Терского, анархистку П. В. Тychенко-Медер (там же, л.65, 459, 496). Наконец, надо отметить, что указанные материалы могут быть существенно дополнены воспоминаниями революционеров, отбывавших ссылку на Севере, хранящихся в других, недавно снятых с ограниченного доступа фондах ЦГАОРД - Коллекции документов по истории фабрик и заводов, Редакции по истории Ленсовета и т.д.

Л. А. Шорохов

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ И ЕГО РОЛЬ
В ОБЩЕСТВЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВНИ
В 1923-1928 ГОДАХ**

В 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна в Москве было образовано Международное общество помощи борцам революции (МОПР). Ему ставилась задача оказание равнообразной помощи политзаключенным и

их семьям в капиталистическом мире. В СССР МОПР был образован в условиях новой экономической политики, означавшей в сфере общественной переход от военно-административных методов руководства к демократическим. Последние предусматривали возрастание инициативы и самостоятельности трудящихся, одной из форм которых становились добровольные общества или организации. МОПР втянул в орбиту своей деятельности миллионы людей, он пользовался популярностью среди трудящихся. За годы работы он оказал огромную материальную, моральную и юридическую помощь тысячам политзаключенных в буржуазном мире. Но не менее значительна его деятельность в общественной и культурной жизни страны. За годы своей работы издательство МОПРа в СССР выпустило 2013 тысяч названий различного рода печатных материалов общим тиражом 105 млн. экземпляров. Среди издаваемых МОПРом журналов заслуженным авторитетом пользовался журнал "Интернациональная маяк", с которым сотрудничали видные советские и иностранные литераторы. Несомненны заслуги организации и в деле укрепления дружбы и сотрудничества между народами, в интернациональном воспитании людей.

В 1920-е гг. в условиях нежа Вологодская губерния была на хвосте, который усиливал тягу крестьян к общественной жизни, к культуре. Но отдаленность многих деревень от культурных центров, отсутствие образованных людей, неграмотность части сельских жителей стали препятствием этим стремлениям. Формы общественной жизни были еще не развиты, местные Советы в ряде районов - весьма слабыми. В марте 1923 г. в Вологодской губернии была образована организация МОПРа (Вологодский обл. парт. архив /ВУПА/ ф.1855, оп.1, вл. хр.236, лл.5-10). Она сумела в известной степени внести новую струю в общественную жизнь ряда деревень, повысить интерес крестьянства к политическим и культурным событиям в стране и за рубежом. Вокруг сбора средств для помощи политзаключенным капиталистических тюрем развернулась широкая агитационная кампания: проходили митинги, слеты, чтения писем и т.д. Это становилось для части крестьян первым шагом к политическому самосознанию.

В 1926 г. МОПР в губернии насчитывал 26823 членов, значительную часть которых составляло крестьянство. В 1923-29 гг. было собрано 100329 руб. для помощи политзаключенным. МОПР губернии взял шефство над политзаключенными шести тюрем в Болгарии, Германии, Польше и Эстонии, куда были отправлены десятки писем и

значительные средства. Недостаток над политзаключенными вызвало интерес у крестьян, ибо было лишено какого-либо формализма. В губернии действовало 72 центра мопровской идеологической работы, где, кстати, велась работа и по ликвидации неграмотности населения. Мопровские организации активизировали работу в отдаленных уездах губернии: так, в 1927 г. в Тотемском уезде насчитывалось 40 ячеек, несколько постоянно действующих кружков. В деревнях уезда выписывались мопровские журналы. Крестьяне привлекались к переборам местных Советов, к различного рода политическим акциям. Все это способствовало развитию как общей, так и политической культуры крестьян, участию их в общественной жизни.

В 20-е гг. парторганизации шли еще в русле ленинских принципов и традиций. Они сумели оценить демократический и самостоятельный характер МОПРа и оказать ему поддержку (ВОПА, ф.1853, оп.8, ед. хр.179, л.4-5). Они строили свое влияние на развитии и деятельности МОПРа через коммунистов, постоянных его членов (там же, ед.хр.180, л.9). В начале 30-х гг. в стране свертываются демократические начала, устанавливается господство административно-бюрократической системы. В этих условиях МОПР утрачивает свой первоначальный характер массовой демократической организации трудящихся, носившей самостоятельный характер. Все это относится и к Яологовской организации МОПРа.

В.А.Черняков, С.И.Корниенко, А.Н.Новиков

ОСОБЕННОСТИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

Под секуляризацией в марксистской литературе понимаются различные исторические этапы высвобождения от религиозного влияния всех сфер жизнедеятельности общества и личности. В процессе секуляризации религиозные институты лишаются социальных функций, происходит вытеснение религиозных представлений и замена их светскими. В основе современного этапа секуляризации лежит и кризис религии, который "проявляется не только в утрате ею былого места и функций в обществе. Он находит отражение "внутри" религии; в ее структурных элементах, во взаимосвязях этих элементов. Размывается религиозное сознание, деструктивные процессы происходят в культе, расшатываются религиозные отношения..." (Яблоков И.Н. Социология религии. - М., 1979, с.146).

Для получения адекватной картины секуляризационных процессов в стране очень важным представляется их изучение на региональном уровне. При этом необходимо можно представлять особенности объекта исследования, которые отражаются и на особенностях секуляризации (географические границы, численность населения, его социально-классовая структура и демографические характеристики, влияние миграционных процессов и урбанизации, влияние религиозных традиций и т.п.).

Вологодская область относится к регионам, где в прошлом были очень сильны религиозные традиции. Она была областью, на территории которой, по выражению В.И. Денина, "царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость" (ПСС, т. 43, с. 228). В начале XX в. в деревне проживало 95,3% населения всей губернии. Грамотных было лишь 19,1% (из них только 6,7% — женщины). Медицинское обслуживание находилось в крайне запущенном состоянии: в губернии не было ни одной петской лаборатории, а единственные репильные дом был лишь в Вологде. Поэтому петская смертность была весьма высокой: только в 1909 г. умерло в возрасте до 1 года 17-49 детей. На этом фоне почти сплошная религиозность населения была неуничтожительной.

Победа революции и последующие социально-экономические и культурные преобразования способствовали более интенсивной секуляризации населения Ярославского Севера, в том числе и Вологодской губернии, чем других районов страны. Это можно объяснить не только и не столько успешной атеистической пропагандой, сколько тем, что трудящиеся сами приняли более активное участие в этих преобразованиях. Вместе с тем, как показали последующие события, эти преобразования не привели к ожидаемому благополучию. Особенно пострадала от них деревня. Результатом явилась интенсивная миграция из села, да и из области — эти процессы не удается остановить и по сей день. А без учета их опять-таки нельзя рассматривать и процессы секуляризации населения.

Н.И.Ивановская

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ АРХАНГЕЛЬСКА И ВОЛОГДЫ

Краеведческие музеи являются научно-исследовательскими и культурно-просветительскими учреждениями, изучающими свой край и рас-

пространяющими знания о нем. Роль их как местных культурных и научных центров особенно велика в условиях Русского Севера, с его большим историческим и историко-культурным значением в масштабе всей России. Большое место в работе музея занимает историческое краеведение и его составная часть — этнография местного края, изучение которой дает возможность представить в музее этническую специфику культуры населения своей области.

Научно-исследовательскую этнографическую деятельность музеев можно разделить на три типа: 1) источниковедческие исследования (сбор информации, комплектование и научная систематизация вещевых коллекций); 2) решение вопросов, связанных с созданием этнографической экспозиции и ее тематикой; 3) исследования, связанные с разработкой проблем этнографической науки (публикация результатов исследований, их научная интерпретация). Качественный уровень этих исследований и определяет конкретный вклад музеев в развитие этнографической науки.

Архангельским и Вологодским музеи собирали этнографические коллекции еще до революции. Они послужили фундаментом для современных этнографических исследований. Несмотря на такие недостатки до-революционного собирательства, как бессистемность сборов, излишнее увлечение при отборе вещей их экзотичностью и эстетическими качествами, они явились своеобразной базой для дальнейшей работы.

В 1920-е гг. во многих музеях РСФСР открываются специальные этнографические отделы и подотделы (в том числе в Архангельском и Вологодском музеях). В штатах музеев появляются специалисты-этнографы, регулярно публикующие результаты своей работы в центральных и местных изданиях (журналы "Краеведение", "Известия ЦК", в Вологде — журнал "Север"). Архангельским и Вологодским музеи приступают к систематическому экспедиционно-собирательской работе по этнографии (в Вологодском музее за 1-ю половину 20-х гг. в фонды поступило более 1500 этнографических предметов). На основе собранного вещевых материалов открываются первые этнографические экспозиции. Происходит становление местных музеев как исследовательских центров по изучению этнографии своего края.

1930-40-е гг. характеризуются упадком этнографической работы. Роль краеведческих музеев в этом отношении свелась к сохранению уже накопленных материалов, которые из-за плохой научной обработки практически превратились в склад "немых" вещей.

С конца 1950-х гг. Архангельский и Вологодский музеи проводят большое количество историко-бытовых экспедиций, в рамках которых собирают и этнографический материал, но при этом рассматривают его прежде всего в социально-историческом аспекте.

В 1960-70-е гг. в структуре музеев появляются филиалы - архитектурно-этнографические музеи под открытым небом, ставящие своей задачей поиск этнически специфических черт культуры населения своего края. Выполняя эту задачу, Вологодский музей в конце 70-х годов приступил к всестороннему этнографическому изучению всей области. Архангельский же музей ограничился лишь сбором вещных коллекций историко-бытового характера. Таким образом, краеведческие музеи, даже в рамках одного географического региона, ведут свои научные исследования в области этнографии на качественно разных уровнях. Между тем, при ограниченных возможностях центральных этнографических учреждений и их удаленности местные музеи являются единственными потенциальными исследователями этнографии своей области.

Причиной того, что областные музеи не всегда справляются с этой ролью, является прежде всего недостаточная профессиональная подготовка музейных сотрудников, занимающихся этнографией, практически полное отсутствие в музеях специалистов-этнографов. Для исправления этого положения решающее значение имеет работа ИМЭ народов СССР как методического центра в этнографическом музееведении, оказывающего помощь музеям страны по всем направлениям работы с этнографическим материалом.

Успешному выполнению областными музеями роли центра этнографических исследований местного края способствовала бы организация в каждом из них чисто этнографической экспозиции, отражающей этническую историю края, а также издание каталогов этнографических коллекций, хранящихся в областных музеях, с тем, чтобы максимально ввести этот материал в научный оборот.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>А.М.Попов</u> Культурно-идеологическая среда и подготовка агитационно-пропагандистских кадров	3
<u>В.Б.Анохин</u> Вхождение в контакт культуры как поиск истины	5
<u>О.В.Козлова</u> Гуманистическое предназначение культуры	6
<u>Н.А.Петрова, А.Н.Севелов</u> Способности как фактор развития культуры	9
<u>О.В.Козлова</u> Эстетическое воспитание в процессе формирования духовной культуры личности	II
<u>А.И.Яшенко</u> Названия населенных мест Вологодской области как памятники культуры	12
<u>Н.П.Тихомирова</u> Топонимия Белозерского края и его история	15
<u>Э.А.Корсун</u> Сюжетные композиции в набивных тканях Русского Севера	17
<u>С.И.Кондратькина</u> Диалектная фразеология как отражение материальной и духовной культуры вологодского крестьянства	18
<u>О.В.Козлова</u> Традиция и динамика народного искусства в системе культуры Европейского Севера	20
<u>Л.С.Лазарькина</u> Коллекция Русского Севера в фондах музея антропологии и этнографии им.Петра Великого	22
<u>Р.М.Лазарчук</u> Вологодский губернский архитектор Петр Фелотович Бортняков (опыт реконструкции биографии и творчества)	24
<u>С.В.Косолапова</u> Северные жития как источник исследований в XIX веке	27
<u>М.В.Строганов</u> К.Н.Батышков и его "маленькая философия"	29
<u>Н.А.Космелев</u> о месте К.Н.Батышкова в истории русской литературы	32
<u>Л.А.Гехова</u> "Стривок из писем русского офицера о финляндии" Батышкова. Проблема жанровой принадлежности	36
<u>А.Д.Яновский</u> К.Н.Батышков и Н.Н.Ряевский (Новые документальные свидетельства о сражении при Салтановке)	39
<u>М.Г.Качурин</u> К.Н.Батышков и Л.Н.Толстой (Проблема преемственности художественных позиций)	42
<u>А.Н.Дужаньский</u> Первые русские рассказы	43

<u>А.Е.Новиков</u> Повесть О.И.Сенковского "Незнакомка" и традиции русской сатирической прозы	46
<u>Р.Г.Назарьян</u> Творчество К.Н.Батюшкова в оценке Э.К.Кихельбекера	47
<u>И.Д.Саввина</u> Функции северной темы в поэме Ф.Н.Глинки "Карелия"	50
<u>Е.А.Сурков</u> Северная столица и конфликт с миром в жизни Н.В.Гоголя конца 1820-х гг.	52
<u>О.В.Сисевская, А.А.Шумилова</u> "Путешествия" XIX века как источник русской исторической диалектологии	54
<u>Ю.П.Тесленко</u> Русский Север в творчестве В.И.Даля	56
<u>А.В.Чернов</u> А.В.Верещагин и его книга "Дома и на войне"	59
<u>С.Н.Медведев</u> Некоторые особенности изображения северной столицы в произведениях Ф.М.Достоевского	61
<u>А.В.Сайонов</u> Русская духовная культура и национальный характер в книге С.В.Макаимова "Год на Севере"	63
<u>В.И.Мельник</u> Вологодский персонаж в рассказе К.М.Стендаль-Гомича	65
<u>О.Б.Солдатов</u> Малоизвестная статья И.Анненского о народной поэзии: Русский Север в контексте творчества поэта	67
<u>В.А.Салогов</u> Игорь-Северянин в истории русской литературы начала XIX века	68
<u>О.В.Медведева</u> Игорь-Северянин и его окружение в череповецких персоне	71
<u>М.Г.Рогозина</u> Дом на Суде	73
<u>Т.П.Усачева</u> Северный цикл А.И.Куприна	75
<u>О.В.Кипко</u> Диалектика универсального и национального в системе эстетической целостности (рассказ А.И. Куприна "Бидовка")	77
<u>С.Н.Доценко</u> Северные мотивы в апокрифах А.М.Ремизова	79
<u>О.В.Розанов</u> Пьеса А.М.Ремизова об Иуде в идеологическом контексте эпохи	81
<u>Б.К.Созина</u> Проблема экологии Севера в творчестве уральских писателей (К.Д.Носилов, П.П.Индантьев)	83
<u>А.И.Иванов</u> Русский Север в творчестве А.С.Серафимовича	86
<u>К.И.Маркова</u> Творчество Н.А.Клюева в свете традиций русской фольклористики	87

<u>А.П.Ауэр</u> Северные очерки Боркоз Пильняка	88
<u>В.А.Черныков</u> Уровень и характер религиозности населения Русского Севера и проблемы культуры	89
<u>В.В.Морозова</u> Череповецкие корреспонденты Этнографическо- го Бюро кн.В.Н.Тенишева	91
<u>В.С.Белоненко</u> Материалы Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им.М.В.Салтыкова-Щедрина по истории Вологодской области	93
<u>М.В.Икарковский</u> фонды центрального государственного архи- ва Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда как источник изучения политической ссылки на Русском Севере в конце XIX - начале XX вв.	95
<u>Д.А.Шорохов</u> Международное общество помощи борцам револю- ции и его роль в общественном и культурном развитии Вологодской деревни в 1923-28 годах	96
<u>В.А.Черныков, С.И.Корниенко, А.Н.Исаев</u> Особенности се- куляризации населения Русского Севера	98
<u>Н.И.Ивановская</u> Этнографические исследования краеведчес- ких музеев Архангельска и Вологды	99